

МОРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АДМИРАЛА Г.И. НЕВЕЛЬСКОГО

Тихоокеанская Россия: опыт прошлого – взгляд в будущее

Сборник материалов международной научно-
практической конференции, посвященной 100-летию
отмены порто-франко на Дальнем Востоке
(2-4 марта 2009 г.)

Владивосток
2009

УДК 656.615:93 (571.6:063)
ББК Т 3(2)

Т 46

Тихоокеанская Россия: опыт прошлого - взгляд в будущее: Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию отмены порто-франко на Дальнем Востоке (2-4 марта 2009 г.) / сост. и предисл. Д. А. Литошенко, общ. ред. Н.А. Беляева, Д. А. Литошенко. – Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2009. – 73 с.

В сборник вошли материалы международной научно-практической конференции «Тихоокеанская Россия: опыт прошлого - взгляд в будущее», посвященной 100-летию отмены порто-франко на Дальнем Востоке, состоявшейся в Морском государственном университете имени адмирала Г.И. Невельского 2-4 марта 2009 года.

Материалы сборника будут интересны студентам, аспирантам, преподавателям, научным работникам и всем, интересующимся проблемами региональной истории и историческим опытом экономической политики на российском Дальнем Востоке.

© Морской государственный университет
им. адм. Г.И. Невельского, 2009
© Коллектив авторов, 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели, разрешите представить вашему вниманию сборник материалов международной научно-практической конференции «Тихоокеанская Россия: опыт прошлого - взгляд в будущее», посвященной 100-летию отмены порто-франко на Дальнем Востоке.

2-4 марта 2009 г. в Морском государственном университете имени адмирала Г.И. Невельского состоялась международная научно-практическая конференция «Тихоокеанская Россия: опыт прошлого - взгляд в будущее», посвященная 100-летию отмены порто-франко на Дальнем Востоке. На пленарном и секционных заседаниях конференции были обсуждены следующие проблемы:

- экономическое сотрудничество в АТР: история и современность;
- соотношение взаимодействия и национальной безопасности в экономическом сотрудничестве стран АТР;
- правовое регулирование международной торговли и торгового мореплавания;
- морские порты: технологии, инфраструктура, инновации;
- гуманитарные проблемы кросскультурного обмена.

Не будет преувеличением отметить, что в центре внимания участников конференции находился исторический опыт порто-франко, рассматриваемый в широком контексте хозяйственно-экономического, социального и культурного развития российского Дальнего Востока и стран АТР как в прошлом, так и в настоящее время.

Термин «порто-франко» имеет итальянское происхождение и обозначает «приморскую гавань, пользующуюся правом беспошлинного ввоза заграничных и туземных товаров». Свою историю режим свободной торговли начинает в середине XVI века. Причинами, вызвавшими его появление, стали высокие пошлины и злоупотребления таможенных чиновников, которые тормозили развитие приморских городов. В разное время беспошлинный режим действовал в таких городах, как Генуя, Венеция, Марсель, Гамбург, Бремен и мн. др.

В XIX веке порто-франко на большей части Европы прекращает свое существование. Это было связано с развитием торговли, снижением доходов государств, большими издержками из-за борьбы с контрабандой. Однако по-прежнему порто-франко оставалось эффективной мерой для изолированных территорий «в деле создания новых артерий международного торгового обмена» и для государств, стремившихся вовлечь в орбиту своих экономических интересов отдаленные колонии.

Представляется, что порто-франко было изначально predetermined для русского Дальнего Востока, где в условиях трудной колонизации и оторванности региона от развитых центров страны «порты долгое время являлись главными центрами освоения территории, а таможенная и пограничная охрана практически отсутствовала...» Тем более, что положительный опыт функционирования порто-франко в России уже был. Так, начиная с 1817 г., режим беспошлинной торговли в течение 42 лет действовал в Одессе. Официально на Дальнем Востоке порто-франко стало существовать с 1828 г. на Камчатке, а с образованием в 1856 г. Приморской области свободно торговать разрешили в Николаевске-на-Амуре.

Подлинный расцвет порто-франко начался с конца 50-х гг. XIX в., когда Россия подписала ряд важнейших соглашений с соседним Китаем. Четвертая статья Дополнительного договора к Пекинскому устанавливала режим свободной торговли вдоль сухопутной границы двух империй — по Амуру, Уссури и далее до р. Гумыньцзян. Заключенные в 1862 г. «Правила сухопутной торговли между Россией и Китаем» закрепляли двустороннюю беспошлинную торговлю «на расстоянии 100 ли (около 50 км) от линии границы». Помимо того, «русским купцам разрешалась беспошлинная торговля на всей территории Монголии, входившей тогда в состав Цинской империи». Фактически с этого времени на всей территории Дальнего Востока России устанавливался режим свободной торговли, первым и единственным таможенным пунктом стал Иркутск, куда в 1861 г. перевели таможню из Кяхты. С середины 80-х гг. граница порто-франко на дальневосточном регионе стала постепенно сужаться.

Важно отметить, что российское правительство с самого начала рассматривало беспошлинную торговлю в дальневосточном регионе как вынужденную и временную меру. Начиная с 1867 г., когда впервые была установлена пошлина на иностранный спирт и алкогольные напитки, и вплоть до 1909 г., когда на юге Дальнего Востока с иностранных товаров стали взимать пошлины на основе «действующего таможенного тарифа по европейской торговле...», правительство при поддержке отечественных молодых капиталистов с переменным успехом старалось ограничить свободную торговлю в регионе. Данная политика была вызвана развитием российской экономики, расширением морского и железнодорожного сообщения Дальнего Востока с европейской частью России, результатами переселенческой политики и, конечно, упрочнением положения Российской империи в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Закон 16 января 1909 г. «О закрытии порто-франко по привозу иностранных товаров» в Приамурье и Забайкальской области, а также финансирование развития таможенного дела на Дальнем Востоке с мая этого же года стали последними существенными мероприятиями царского правительства в решении проблемы снабжения края и развития местной экономики.

С победой в гражданской войне большевики без особых раздумий распространили на территории края государственную монополию на внешнюю торговлю, усложнив, таким образом, и без того нелегкое существование дальневосточников. Однако идея порто-франко на Дальнем Востоке продолжала существовать и находить своих сторонников. Настроения «тоски по порто-франко» ощущаются на российском Дальнем Востоке и сегодня. Уж очень соблазнителен и симпатичен режим беспошлинной торговли менталитету «настоящих дальневосточников».

Значительный общественный резонанс вокруг судьбы порто-франко на российском Дальнем Востоке не мог ни вызвать исследовательского интереса ученых самой различной научной специализации к этому феномену. Однако,...

Однако изучение отечественными историками порто-франко на Дальнем Востоке было явлением «кратким и малозаметным». После того, как в начале 90-х годов в ряде российских регионов местные власти и население начали связывать свое будущее благополучие с организацией свободных экономических зон (СЭЗ), интерес к этой теме значительно вырос. Однако очень скоро идея СЭЗ в крае стала изживать себя, что побудило научный мир с еще большим интересом обратиться к прошлому в надежде найти объяснение тем проблемам, которые, начиная с первых лет колонизации Дальнего Востока и вплоть до настоящего времени, являются причиной головных болей государственных чиновников и тяжелых условий жизни местного населения. Тем не менее, исторический феномен порто-франко на Дальнем Востоке России и поныне остается своеобразной историографической *terra incognita* – досадной лакуной в поле научного знания. Именно на восполнение данной лакуны и были направлены мероприятия и усилия участников международной научно-практической конференции «Тихоокеанская Россия: опыт прошлого - взгляд в будущее».

3 марта в МГУ им. адм. Г.И. Невельского, в рамках международной научно-практической конференции «Тихоокеанская Россия: опыт прошлого - взгляд в будущее», состоялось заседание круглого стола «Порто-франко как исторический феномен». На заседании были заслушаны доклады: Н.А. Беляевой, Н.А. Троицкой, С.К. Песцова, А.И. Караиванова и др.

Были обсуждены следующие темы: 1) значение порто-франко для развития территории; 2) порто-франко в системе внешне-экономических связей России; 3) порто-франко как символ региональной ментальности; 4) исторические уроки порто-франко и их значение в XXI веке. В свободной дискуссии приняли участие преподаватели Морского госуниверситета и вузов города.

Материалы всех мероприятий международной научно-практической конференции «Тихоокеанская Россия: опыт прошлого - взгляд в будущее», посвященная 100-летию отмены порто-франко на Дальнем Востоке, нашли свое место на страницах настоящего сборника. В структурном отношении сборник состоит из двух частей. Первую часть сборника составили материалы участников конференции: тексты выступлений докладчиков и научные статьи, отражающие содержание сделанных сообщений. Во вторую часть сборника вошла, любезно предоставленная доктором исторических наук, профессором Н.А. Беляевой, подборка фрагментов документов и справочные материалы, отражающие перипетии исторической судьбы порто-франко на российском Дальнем Востоке.

Остается надеяться, что материалы данного сборника будут способствовать углублению понимания исторического феномена порто-франко на российском Дальнем Востоке, буду раскрывать содержание и механизмы его влияния на развитие дальневосточного региона России в настоящее время и на перспективу.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МАТЕРИАЛЫ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

ПРИАМУРСКОЕ ПОРТО-ФРАНКО КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Н.А. Беляева

д-р ист. наук, профессор кафедры истории и политологии
МГУ им. Невельского

1 марта 2009 г. исполнилось сто лет с момента отмены порто-франко на Дальнем Востоке. Сопровождавшая его на протяжении всего существования, принимавшая то явные, то скрытые формы дискуссия ставила по себе память, отразившись в российском законодательстве, делопроизводстве государственных учреждений, публикациях в местной и центральной прессе. Мнения отдельных предпринимателей и Биржевых комитетов; депутатов Государственной Думы и министров; чинов таможенного ведомства и высокопоставленных чиновников Министерства финансов отражают разнообразие точек зрения относительно судьбы дальневосточного (приамурского) порто-франко. В них отчетливо прослеживается стремление добиться от правительства внимания к нуждам далекой окраины, критика тех или иных конкретных правительственных решений, забота о сохранении за Владивостоком его роли центра морской торговли и мореплавания, умение пойти на компромисс в интересах «русского дела» на Дальнем Востоке. Все это делает изучение приамурского порто-франко процессом не только интересным, но и поучительным.

Изучение феномена приамурского порто-франко базируется, прежде всего, на том, что оно выступает как модель развития территории. В период, когда облик российской таможенной политики только формировался, а сама она колебалась между протекционизмом и фритредерством, порто-франко использовалось как способ ее адаптации к конкретным условиям. Можно говорить, по меньшей мере, о нескольких попытках обращения к порто-франко в России в течение XIX века. Наиболее известен и успешен опыт порто-франко в портах Одесса (1819-1859) и Батум (1878-1886).

Изолированность дальневосточных владений от центральной, наиболее развитой части империи, невозможность собственными силами создать благоприятные условия для закрепления населения, обеспечив колонируемую территорию товарами первой необходимости, заставила российское правительство применить

здесь радикальное средство – объявить порто-франко на всей территории Приамурья и Забайкалья. Беспощинный ввоз иностранных товаров был разрешен сначала на Камчатке (1828 г.), затем в устье Амура (1856-57 гг.). В 1860 г. право порто-франко было даровано всем российским тихоокеанским портам. В декабре 1862 г. этим правом воспользовался Владивосток. В апреле 1862 г. российской стороной в одностороннем порядке был введен порядок беспощинного ввоза китайских товаров по сухопутной границе.

Почти одновременное установление режима беспощинной торговли по морской и сухопутной границе фактически превратило Приамурье, по выражению С.Ю. Витте, в «царство свободной торговли». Ставшее неотъемлемой частью территории российского государства Приамурье долгое время находилось вне российской таможенной черты. Восточная таможенная граница империи проходила в районе Иркутска, куда в 1861 г. была перенесена таможня из Кяхты.

Исторические факты свидетельствуют, что каждый раз введение или отмена порто-франко диктовались необходимостью решения конкретных задач, и каждый из вариантов российского порто-франко имел свои пространственные и временные характеристики, свою собственную «технологию», наконец, свою историю, несмотря на то, что все они являются частью общей правительственной политики.

Порто-франко на Дальнем Востоке было вызвано к жизни чрезвычайными условиями и просуществовало почти пятьдесят лет. Большая часть его истории приходилась на период, когда таможенная политика государства, длительное время колебавшаяся между протекционизмом и фритредерством, пришла к своей протекционистской модели. Являясь проекцией политики свободы торговли, приамурское порто-франко вместе с ней эволюционировало в сторону протекционизма. В 1867 г. начался процесс постепенного обложения ввозными пошлинами иностранных товаров, аналоги которых облагались в России акцизными сборами (спиртные напитки, табак, сахар, продукты нефтепереработки и др.) К 1887 г. практически все иностранные аналоги подакцизных товаров были обложены пошлинами первоначально в размере акциза, а затем по ставкам общего таможенного тарифа по европейской торговле.

Эти меры правительства привели к серьезным изменениям в облике приамурского порто-франко, превратив его в «неполное, ограниченное» порто-франко. Логическим завершением эволюции было ограничение в мае 1889 г. ввоза облагавшимися пошлинами иностранных товаров двумя российскими портами – Владивостоком и Николаевском. Именно в этих портах в 4 июня 1899 г. был учрежден особый таможенный надзор, поло-

живший еще в условиях беспошлинной торговли начало процессу формирования российской таможенной системы на Дальнем Востоке.

Сложившиеся к началу 90-х годов XIX в. «изъятия» из режима беспошлинной торговли были законодательно закреплены в таможенном уставе 1892 г. В ст. 1421 устава впервые был приведен полный перечень товаров иностранного происхождения, облагаемых при ввозе в области Приамурского генерал-губернаторства¹ пошлиной на основе общего таможенного тарифа по европейской торговле. Одновременно на ввозимые в Приамурье отечественные товары распространялся общий порядок возврата пошлин и сложения акциза, предусмотренный при вывозе их из России за границу. При этом обложение подакцизных товаров с самого начала преследовало не только фискальную, но и протекционистскую цель защиты отечественного производителя, создания благоприятных условий для конкуренции отечественных и иностранных товаров на приамурском рынке.

Сочетание протекционистских и либеральных (фритредерских) элементов при постепенном усилении протекционистской составляющей было важнейшей особенностью порто-франко на дальневосточной окраине страны.

Общий протекционистский правительственный курс распространялся на дальневосточную окраину медленно и постепенно. В связи с завершением строительства Транссибирской магистрали возникла возможность организовать в край доставку товаров из губерний Центральной России. В интересах отечественных производителей с 1 января 1901 г. порто-франко в Приамурье было отменено. Следует заметить, однако, что распространенный на территорию Приамурского генерал-губернаторства Таможенный тариф носил выраженный либеральный характер, о чем свидетельствует, в частности, предоставление существенных льгот по 75-ти статьям тарифа (одна треть ставок) ввозимым в край иностранным товарам вплоть до беспошлинного их ввоза. В результате предоставленных льгот общий российский таможенный тариф трансформировался в региональный тариф для Приамурского генерал-губернаторства. Эта льгота, как и первоначально введение порто-франко, предоставлялась в интересах ускоренного экономического развития региона именно она позволила в некоторой степени сгладить противоречия центра и региона, промышленников Центральной России и приамурских купцов, предпринимателей в целом и большинства населения Приамурского края.

Однако край не успел в полной мере войти в «общую таможенную черту» империи. В связи с началом русско-японской войны порто-франко в Приамурье было с 1 мая 1904 г. временно восстановлено и окончательно отменено законом от 16 января 1909 г. – с 1 марта 1909 г. на всей территории Приамурья южнее

устья Амура, а летом 1910 г. на Сахалине и Камчатке. С этого момента дальневосточная окраина стала неотъемлемой частью таможенной территории России.

Отмена порто-франко и введение таможенного обложения на Дальнем Востоке не ставили в качестве основной задачу пополнения казны. Приоритетом правительственной политики стало закрепление местного рынка за товарами Европейской России. Одновременно предполагалось, что отмена беспошлинного ввоза иностранных товаров сыграет положительную роль в развитии местной промышленности. Однако говорить о реальном покровительственном характере таможенного тарифа 1901 г. для местной промышленности, можно лишь применительно к добывающим отраслям (лес, рыба, золотодобыча), а также к переработке продуктов сельского хозяйства. На развитие обрабатывающих отраслей промышленности таможенное обложение оказала и не могла оказать существенного влияния из-за отсутствия таких факторов, как квалифицированная рабочая сила; сырьевая база; емкий местный рынок; развитая транспортная инфраструктура, открывавшая возможность вывоза изделий местной промышленности за пределы края, наконец, распространенность технических знаний среди населения. Нельзя не признать резонным тезис, озвученный депутатами Государственной Думы при обсуждении законопроекта об его отмене в 1908 г. – введение пошлинного обложения, обеспечивая монопольные условия для промышленности «коренной России», вело к созданию в ее лице серьезного конкурента местному, скорее ремесленному, чем фабричному, производству. Повышение заинтересованности русской буржуазии в продвижении своих товаров в Приамурье, таким образом, одновременно сужало пространство конкуренции отечественных товаров с изделиями иностранного производства, объективно вело к росту цен на основные промышленные и продовольственные товары, ухудшая социальное самочувствие местного населения. Именно этим объясняется обострение противостояние по вопросам порто-франко и его превращении в явление не только экономической жизни, но и социальной политики – предмет не утихавшей целое десятилетие полемики.

Пиком такой дискуссии стал период после завершения русско-японской войны. Восстановление порто-франко на время войны и сохранение его после ее окончания порождали иллюзию возможности возврата к прежнему режиму беспошлинной торговли в масштабах всего края. Тем более, что с отменой беспошлинного ввоза иностранных товаров через порты Приморской области беспошлинный ввоз китайских товаров по сухопутной границе так и не был отменен.

Развернувшаяся дискуссия проходила на разных, как говорят сегодня, площадках – на специально созванных для этого совещаниях заинтересованных лиц в Хабаровске, Благовещенске и Владивостоке; в Совете Министров империи; в Государственной Думе при обсуждении законопроекта. Сегодня нам известен итог этой дискуссии - принятие Закона об отмене порто-франко, утвержденного императором 16 января и вступившего в силу с 1 марта 1909 г. Однако сам ход обсуждения на разных уровнях позволяет увидеть общую тенденцию - отсутствие устойчивого большинства, поддерживавшего сохранение или отмену порто-франко. Объяснить такую ситуацию можно, на наш взгляд, тем, что порто-франко как модель развития региона не исчерпало своего потенциала. А демонтаж этой модели отражал в большей мере общее направление правительственной политики по отношению к окраинам как рынкам сбыта товаров все еще слабо развитой российской промышленности и проходил под давлением промышленников Центральной России. В условиях начавшегося промышленного подъема это имело первостепенное значение.

О высоком потенциале идей беспошлинной торговли свидетельствует и появление оригинального проекта «вольной гавани Владивостока», разработанного совместными усилиями администрации Приморской области, Владивостокского торгового порта, местных предпринимателей и представителей таможенного ведомства под руководством военного губернатора Приморской области Н.М. Чичагова. Речь шла о создании на территории Владивостокского торгового порта «свободной портовой зоны».

Авторы проекта считали, что он как нельзя лучше соответствует интересам местной торговли и промышленности, поскольку облегчит условия получения отечественных и иностранных товаров, сократит накладные расходы, и следовательно приведет к удешевлению товаров первой необходимости, одновременно уменьшая накладные расходы и тем самым сохраняя купеческие капиталы. Все это должно было укрепить позиции отечественных предпринимателей и вернуть Владивостоку утраченную после отмены порто-франко роль центра международной торговли и мореплавания. Понимали важность финансовой поддержки со стороны государства. Управление вольной гаванью предполагалось доверить тому ведомству, которое возьмет на себя финансирование проекта. Для его реализации требовалась значительная сумма – около 450 тыс. руб. В случае недостатка средств у казны предполагалось привлечь к содержанию вольной гавани заинтересованные стороны – Общество КВЖД, а также купечество города.

В известной мере усилия администрации и купечества увенчались успехом - проект «Вольной гавани Владивостока» получил поддержку на всех уровнях – от Министерства финансов и Главного управления торгового мореплавания и портов, а впоследствии и Министерства торговли и промышленности. Однако реализация самого проекта, хотя и несколько в ином виде, относится к советской эпохе, когда по решению Совнаркома во Владивостокском порту была создана просуществовавшая до начала 30-х годов Транзитная часть Владивостокского торгового порта.

Рассматривая приамурское порто-франко как исторический феномен мы обращаем внимание на многогранность и сложность этого явления – оно вступает как вариант региональной политики, объект общественного интереса, сфера законодательного регулирования, предмет исторических исследований, которые по большому счету только начинаются.

¹ В состав образованного в 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства воли Забайкальская, Амурская, Приморская области.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ОПЫТ ПОРТО-ФРАНКО В ДОКУМЕНТАХ РГИА ДВ

Н.А. Трошук

канд. ист. наук, доцент, заместитель директора РГИА ДВ

Среди проблем экономической истории российского Дальнего Востока во второй половине XIX- начале XX вв. заметное место занимает проблема «порто-франко». Практически вся история региона и возможность радикальных перемен в ней связаны были с этим правом, дарованным дальневосточной окраине в середине XIX века. Просуществовав почти полвека, оно способствовало формированию особого характера экономической жизни (активность иностранного капитала, вывоз сырья) и важных черт ментальности местного населения (космополитизм, толерантность).

Любой опыт может быть понимаем, с одной стороны, как попытка осуществления чего-либо, в данном случае - как вариант с местными и временными особенностями; и, с другой, как совокупность усвоенных знаний и умений, полученных в результате этого осуществления. Результатом анализа опыта становится, как правило, оценка и примерка его ко дню сегодняшнему. Как справедливо отметил сто лет назад известный дальневосточный юрист и общественный деятель

С.Д. Меркулов: «Необходимость той или иной государственной меры в каждый данный момент должна оцениваться исключительно тем, пользу или вред она может принести в конечном итоге государству»¹.

Именно с этой практической значимостью связан перманентно возрождающийся с начала 1990-х гг. интерес к вопросу о порто-франко на Дальнем Востоке, запечатленный в многочисленных, главным образом газетных, публикациях. При всей вариативности оценок доминирует признание за порто-франко роли тормоза самостоятельного экономического развития страны, с чем трудно не согласиться. В тоже время обращение к историческому и мировому опыту вольных городов - свободных экономических зон показывает, что контролируемое властью и хронологически ограниченное нахождение какой-либо территории в статусе порто-франко дает положительный эффект в виде интенсивного развития (приток иностранных капиталов, создание инфраструктуры, развитие транспорта, сферы обслуживания и др.). Естественно, для создания таких зон должны быть веские причины. На российском Дальнем Востоке XIX в., представлявшем собой отдаленную, малонаселенную и слабо развитую окраину, таковой причиной была заинтересованность государства в сохранении политического влияния на этих территориях. Императорская Россия долгое время не располагала другими возможностями снабжения населения этих земель. Не существовало реальной возможности надежно охранять эти земли и контролировать грузопотоки, т.е. осуществлять таможенный контроль. Как только в регионе и в стране ситуация изменилась, порто-франко было отменено. Произошло это век назад – 16 марта 1909 г.

В 1997-8 гг. РГИА ДВ совместно с ВФ РТА подготовил и выпустил в свет сборник документов по истории порто-франко на Дальнем Востоке². В него вошли 35 документов за 1856-1925 гг. Были выбраны наиболее значимые материалы, исходя, прежде всего, из просветительской цели. Тогда идея порто-франко была актуальна и востребована местной администрацией, которая пыталась что-то найти для себя в прошлом, а конкретной информации об интересующем явлении было немного. Сборник был необходим еще и для того, чтобы снизить накал ажиотажного наступления на прошлое, превратившего идею порто-франко в лозунг дня. Однако история прямых готовых рецептов дает немного, и опыт остался неиспользованным.

Документально опыт порто-франко прослеживается, прежде всего, по законодательным и нормативным документам. О сложности решаемой государством проблемы говорит тот факт, что абсолютное большинство законодательных актов является результатом коллегиальных решений Сибирского Комитета или Государственного Совета. Сама форма этих документов предполагает констатацию раз-

личных мнений и суждений по вопросу, с определением доминирующего, одобренного императором. Выявление и анализ законодательных актов по Полному собранию законов Российской империи дали возможность не только восстановить хронику периода порто-франко, но и выяснить причины его введения в дальневосточных портах³. Прежде всего он показывает, что наиболее точным термином для обозначения действий государства по отношению к иностранному капиталу является не «привлечение», а «допущение». Власть, понимая свою беспомощность в решении экономических проблем и в охране территории, узаконивает существующее положение, тем самым, сохраняя лицо, обеспечивая приток населения, в том числе иностранного, и его снабжение. Экономическая свобода, дарованная императором, не абсолютна, а мыслится в рамках дозволенного, чему примером являются многочисленные исключения из общих правил, например, оплата пошлинами ввозимого чая или полный запрет на ввоз хлебных вин и водок из Китая, или ограничения для иностранных подданных на разработку полезных ископаемых в прибрежных районах. Власть в любой момент может вмешаться в ситуацию и ее изменить. Причем, делает болезненные манипуляции маленькими порциями, постепенно приучая население, а не разрушая одномоментно. К примеру, введение в 1867 г. пошлин на иностранный спирт и алкогольные напитки подтверждалось в 1877, 1879, 1882 гг. Думается, что в такой практике решения сложных задач, где при разработке закона нельзя опереться на прецедент, есть рациональное зерно. По истечении срока действия временного положения, создается новое, проверенное опытом, а не огромное количество поправок к нему.

Дальневосточное порто-франко представляет интерес не только как экономический феномен, но и как фактор общественно-политической жизни. Здесь стоит отметить особое значение таких видов источников как делопроизводство, публицистика и периодическая печать. Ценная черта процесса управления того времени в регионе, проявляющаяся в делопроизводстве, – власть советуется. В Приамурском генерал-губернаторстве инициатором такого государственного подхода стал первый генерал-губернатор А.Н. Корф, начавший созывать местную общественность на съезды. Аргументированное, взвешенное мнение чиновников, купцов и предпринимателей принималось в расчет при выработке решений. Прекрасным примером такого взаимодействия власти и непосредственных участников внешнеторговой деятельности является опубликованный протокол совещания предпринимателей г. Владивостока 4-7 апреля 1895 г., основные положения которого были учтены при выработке условий отмены порто-франко. Любопытно, что законопроект обсуждают люди, чьи интересы преимущественно на стороне свободной торговли. Но доверие власти, предоставленная возмож-

ность участия в управлении заставляют их мыслить по-государственному: определяя для иностранцев «самый широкий простор в тех областях торговли и промышленности, в которых совершенно не имеется русских соискателей»⁴.

По мере развития общественной активности российских подданных, особенно в ходе первой русской революции, обсуждение экономических вопросов превратилось в политическую кампанию. Участники дискуссий, в том числе в Государственной Думе, стоявшие на разных, зачастую диаметрально противоположных, позициях, использовали лозунг порто-франко одинаково успешно. Представители рабочих выступали против порто-франко, синонима дешевой жизни, потому что за него стояли «толстосумы»; разночинцы-обыватели и крестьяне защищали дешёвизну; предприниматели радели за развитие промышленности, что позволяло им быть и «за», и «против» порто-франко. Позиция последних особенно интересна, поскольку имела территориальные варианты. Так, фактическими инициаторами отмены свободной торговли на Дальнем Востоке были московские фабриканты-текстильщики. Им был необходим дальневосточный рынок сбыта. Не менее в этом были заинтересованы предприниматели и финансисты столицы, тесно связанные с чиновничьей элитой. Однако их интересы лежали вне зоны дальневосточной России – в свободных портах Дальнем и Порт-Артуре, на КВЖД, которую закрытие порто-франко во Владивостоке обеспечивало беспрошлыми грузами⁵.

Местным предпринимателям приходилось лавировать в поисках собственной выгоды. Злободневный вопрос в публицистике 1907-1910 гг. - облагать ли пошлиной маньчжурское зерно? Купцы-мукомолы - участники заседаний, проводимых местными биржевыми комитетами, единодушно настаивали на свободном ввозе сырья для их предприятий, но иностранная мука, по их мнению, должна быть оплачиваема пошлиной⁶. Однако в такой ситуации русские крестьяне теряли стимул к развитию зернового хозяйства, продукция их труда была несоизмеримо дороже маньчжурской. А ведь государство сделало ставку именно на земледельческую колонизацию отдаленной окраины, это нужно было тоже учитывать. В том числе и современным публицистам, довольно легко подходящим к проблеме порто-франко, оценивая его с позиций обывателя начала XX в.

Материалы делопроизводства дают возможность проследить и иные процессы, проистекающие из всемогущества региональной власти в лице генерал-губернатора, дающие возможность совершать действия, идущие вразрез с общепринятыми. Например, в годы боксерского восстания в Китае (1900 г.) приамурским генерал-губернатором было сделано секретное предписание таможенному надзору не выпускать, без особого на каждый отдельный случай разрешения,

привозимые в край паровые котлы, машины, экскаваторы и т.п. товары, которые могли захватить и использовать в своих целях восставшие китайцы. Согласно закону, эти товары в регион должны были провозиться беспошлинно и беспрепятственно. Однако таможенники беспрекословно выполняют указания генерал-губернатора вплоть до 1904 г., причем действуют столь осторожно, что выходят за рамки разумного. Так, в марте 1901 г. торговый дом «Кунст и Альберс» в соответствии с этим предписанием не мог получить 174 котла, доставленных на пароходе «Воронеж». Понадобилась долгая переписка, чтобы выяснить, что это были простые котлы для варки пищи⁷! Такие частные случаи выводят еще на один существенный момент истории порто-франко – невозможность абсолютной свободы предпринимательства в условиях самодержавной власти.

За прошедшее десятилетие материалы подготовленного архивом сборника были использованы при написании целого ряда статей, монографий и диссертаций по проблемам экономического развития региона. В современной историографии есть работы, посвященные изучению роли идеи порто-франко в выработке экономической политики государства, тесной связи ее с политической борьбой и др.⁸ В исследованиях специалистов ВФ РГА история порто-франко неразделима с историей таможни в регионе⁹.

Однако утверждать, что изучение темы завершено, преждевременно. Разработка этого направления и введение в научный оборот новых источников не стали систематическими, что, естественно, сказалось на глубине знаний. Пока снят только верхний слой информации. О падении интереса к теме свидетельствуют результаты анализа учетных данных читального зала РГИА ДВ: если в 1994-2002 гг. историей таможни и таможенной политики, включая порто-франко, занимались 29 человек, то за последующее пятилетие тему заявили только 9 исследователей¹⁰.

Этот временный спад свидетельствует также о том, что ажиотажный интерес к порто-франко исчез, и в будущем нас ждут объективные работы, нацеленные на глубокий всесторонний анализ, на поиск путей применения идей прошлого в современной жизни. К примеру такого, каким была деятельность вольной гавани во Владивостоке в первые годы советской власти. Думается, что идея порто-франко в условиях глобализации встанет перед тихоокеанской Россией, как возможный способ экономического возрождения окраинной территории, при котором главным вектором будет сотрудничество, а не конфронтация.

Вспоминая об этом способе обретения экономической силы в год столетия со дня окончательной отмены порто-франко на Дальнем Востоке, стоит еще раз обратиться к его глубокому изучению, тем более, пока архивные документы дают такую возможность.

- ¹ Меркулов С.Д. Вопросы колонизации Дальнего Востока. СПб., 1911. С.26
- ² Порто-франко на Дальнем Востоке. Документы и материалы. Владивосток, 1998. 304 с.
- ³ Троицкая Н.А. К вопросу о влиянии таможенной политики правительства на процесс формирования дальневосточной буржуазии// Молодые ученые и специалисты – народному хозяйству. 4 региональная научно-практическая конференция. Томск, 1983. С. 24-25; Она же. Тоска о порто-франко// Россия и АТР. Владивосток, 1995. № 4. С.48-53
- ⁴ Янчевецкий Д. Гроза с Востока: Очерки. Ревель, 1907. С. 69
- ⁵ Приамурские ведомости. 1905. 14 октября; 16 ноября и др.
- ⁶ Доклад и отчет Благовещенского биржевого комитета о деятельности за 1912 г. Благовещенск, 1913. С.30-41
- ⁷ РГИА ДВ. Ф.702. Оп. 1.Д.418. Л.151-152
- ⁸ Новиков Д.Русские либералы об экономической политике правительства на Дальнем Востоке (1906-1914 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 4. С.121-127; Беляева Н.А. Из истории проекта «Вольная гавань Владивостока»// Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2001. № 2/3. С.107-122; Николаев А.М. Борьба протекционистов и фритредеров в Приамурском крае в конце XIX-началеXX вв. Автореф.дисс. ... к.и.н. Владивосток, 2005. 26 с.; Попенко А.В. Опыт борьбы с контрабандой на Дальнем Востоке России (1884-конец 20-х гг. XX в.). Автореф. дисс. ... к.и.н. Хабаровск,2008. 25с. и др.
- ⁹ Печерица В.Ф. К вопросу о закрытии порто-франко и отмене ст. 939 Устава Таможенного// Таможенная политика России на Дальнем Востоке. Владивосток, 1997. № 1. С.120-125; Беляева Н.А. От порто-франко к таможене: очерк региональной истории российского протекционизма. Владивосток, 2003. 214 с. и др.
- ¹⁰ См.: История Дальнего Востока России и сопредельных стран Азиатско-тихоокеанского региона с XVIII в. до 1938 г. Тематика исследований по материалам РГИА ДВ с 1994 по 2002 гг. Владивосток, 2004. С.20-23; То же с 2003 по 2007 гг. Владивосток, 2008. С.18-19

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, РЕГИОНАЛИЗМ И ШАБЛОНЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

С.К. Песцов

д-р полит. наук, профессор МГУ им. адм. Г.И. Невельского

С начала XXI века и глобализация, и регионализм, как полагают многие, вступают в очередную фазу своего развития, сталкиваясь с рядом серьезных вызовов, являющихся, в том числе, следствием их предшествующего стремительного прогресса. С одной стороны, в результате «рокового стечения конъюнктурных, структурных и геополитических напряженностей во все более ранимом мире» возникает опасность критического замедления хода глобализации. С другой стороны, регионализм, похоже, вплотную подходит к рубежу, определяющему его судьбу и будущий облик. Резервы его экстенсивного роста во многом уже исчерпаны. В то же время, нельзя не заметить, что в процессе исторического развития, на основе опыта многочисленных успешных и неудачных локальных экспериментов, происходит постепенное оформление некоего общего тренда эволюционной динамики современного регионализма. Он все более четко проявляется в

наборе общих тенденций, характерных для развития групповых интеграционных образований в самых разных регионах мира последнего времени. С содержательной точки зрения этот тренд составляет набор тенденций, во многом определяющих перспективы регионализма. К основным из них могут быть отнесены (а) укрупнение интеграционных образований и «стягивание» кооперационной активности вокруг наиболее успешных из них, (б) организационное и институциональное переформатирование групповых объединений, связанное с поиском (совершенствованием) адекватных современным условиям коллективных механизмов управления совместной деятельностью и (в) интенсификация и упрочение межрегиональных и межгрупповых связей и взаимодействий.

Одновременно с этим, нельзя не обратить внимания и на те, весьма существенные, отличия в общих стратегиях развития межгосударственных кооперационных взаимодействий в рамках отдельных региональных пространств, обуславливаемые фундаментальными природно-географическими, культурно-историческими и политико-экономическими их особенностями. Эти различия позволяют выделить несколько условных шаблонов международного регионализма, характеризующихся не только содержательной спецификой, своеобразием темпов их развития и реальных достижений, но и вариативностью вероятных перспектив их последующей динамики.

Анализ всего многообразия региональных интеграционных практик и взаимодействий, эволюционировавших и развивавшихся на протяжении второй половины XX и в начале XXI века, позволяет сгруппировать их в четыре условных шаблона, имеющих более или менее четко выраженную пространственную привязку. Первый из них – «институционально-целевой» регионализм – ассоциируется в первую очередь с западноевропейской интеграционной моделью, хотя в тех или иных своих чертах он проявляет себя в деятельности групповых объединений в Северной Америке (НАФТА) и даже в Тихоокеанской Азии (АНЗЕРТА). Несколько иначе он может быть определен как «атлантический». Другой шаблон, «привязанный» к региону Юго-Восточной Азии, или шире – к Азиатско-Тихоокеанскому региональному пространству, определяется как «адаптивный» регионализм. Третий вариант – шаблон «догоняющего» регионализма – характеризуется значительно большей пространственной дисперсией. В соответствии с присущей ему логикой развиваются интеграционные процессы в рамках групповых объединений, действующих в Африке, Среднем Востоке, Южной Азии и, с определенными оговорками, на постсоветском пространстве. Специфика этого шаблона обуславливается не столько гео-

графией, сколько условиями общего для участников таких межгосударственных объединений не очень высоким уровнем их политического и экономического развития. Традиционно он определяется как модель интеграции развивающихся стран. Наконец, региональные интеграционные процессы на латиноамериканском континенте образуют в своей совокупности еще один шаблон «оборонительно-конкурентного» регионализма. В более умеренной своей форме или в виде некоторых элементов этот шаблон обнаруживает себя и в некоторых других регионах (Африка, Азия) мира.

«Институционально-целевой» регионализм. Европейский регионализм является, вероятно, одним из немногих случаев, когда межгосударственная интеграция возникает и развивается на адекватном фундаменте. Своими предпосылками она имела длительный исторический опыт сосуществования государств, единое культурное пространство, развитые (до сходных уровней) хозяйственно-экономические структуры, нормативно-правовые и институционально-политические системы. Эти предпосылки создавали возможности, а также укрепляли внутренние потребности в сближении, которые к середине XX века получили рациональное оформление и прочную общественно-политическую поддержку. В основе западноевропейского интеграционного процесса лежит достаточно ясная философия мироустройства, он опирается на наиболее проработанную концептуальную часть общей теории регионализма. Межгосударственное сотрудничество здесь в своем развитии ориентировано на фундаментальные политические цели и коллективную выгоду. Проходя через многочисленные возмущающие внешние и внутренние воздействия, Европейский союз неизменно восстанавливал траекторию своего развития в соответствии со стратегическими ориентирами. Конкретные экономические выгоды с самого начала рассматривались как средство (инструмент) достижения основной цели – политической унификации как условия появления стабильной и безопасной социальной системы.

Отличительной особенностью западноевропейского регионализма является «тактическое программирование» или управление развитием интеграционных процессов, предполагающее выработку согласованной схемы шагов (этапов), связанных внутренней логикой. Содержание этих шагов определяется набором конкретных мероприятий, а их результаты, так же как коллективные и индивидуальные усилия участников объединения, могут быть измерены и оценены. Все это требует достаточно высокого уровня формализации и институционального регулирования. Поэтому межгосударственная кооперация опирается на развитую систему норм и правил, определяющих промежуточные цели, способы их достижения, равно как и степень согласованности индивидуальных действий участников и их соответствие

программным установкам. Стимулом и контролером выступают коллективные (наднациональные) органы управления, решения которых в основной своей части обязательны для исполнения всеми членами группового объединения.

Эволюционная динамика ЕС осуществляется в рамках двух параллельно развивающихся циклов – углубления и расширения интеграции¹. Оба эти направления, несмотря на некоторое взаимное противоречие, полностью соответствуют стратегическим установкам интеграционного процесса. Первое обусловливается тем, что модель межгосударственных отношений, институционально оформившаяся в виде ЕЭС – ЕС, изначально не ограничивалась какой-то отдельной группой стран и по логике ее успех не может не стимулировать дальнейшей пространственной экспансии. А поскольку экспансия это только следствие успеха, ее темпы и масштабы оказываются производными от углубления интеграции². Несмотря на то, что углубление и расширение теоретически должны стимулировать друг друга, они, как показывает практика европейской интеграции, способны порождать определенные противоречия. Механизм их разрешения, равно как и иных, возникающих в процессе функционирования интеграционной группировки трудностей, представляет собой двухшаговую тактику. В процессе углубления интеграции первый шаг – «установление якоря» – определение новых (очередных) ориентиров и их достижение передовой группой участников (наиболее подготовленных или активных). Второй – закрепление на новых рубежах и «подтягивание» к ним остальных членов группы. В рамках расширения – сначала установление для претендентов «входных ориентиров», параметров, позволяющих им включаться во внутриорганизационные процедуры и проекты, затем – предоставление полноправного членства и подтягивание до общего уровня во всех других отношениях. Накопленный опыт, реальные достижения и отлаженные механизмы преодоления различного рода возмущающих воздействий позволяют достаточно высоко оценивать перспективы развития интеграционных процессов в рамках этого шаблона.

«Адаптивный» регионализм. Иной вариант развития региональной кооперации демонстрирует Азиатско-Тихоокеанский регион. Вследствие значительной гетерогенности и отсутствия сколько-нибудь прочных связей между составляющими его государствами, в качестве основы для интеграции здесь выступала не слабая внутренняя потребность в ней, а, скорее, желание использовать возможности, предоставляемые меняющейся мировой политико-экономической конъюнктурой. Регионализм выступает в этом случае как орудие адаптации к внешним условиям с целью извлечения дополнительных хозяйственных выгод. Подтверждением этому служит тот факт, что большинство теоретических обоснований региональной интеграции, включая проект

АСПАК, концепцию «разноуровневой интеграции» К. Кодзимы, разные варианты идеи Организации тихоокеанской торговли и развития (ОПТАД), появлялись в виде организационных проектов, привязанных к конкретным ситуациям и задачам. Характерной чертой большинства региональных объединений, появившихся и действующих в этой части мира, является отсутствие (отказ от установления) конкретных стратегических целей, если не считать таковыми общие декларации о содействии экономическому росту, социальному прогрессу и культурному развитию. Все они, как правило, возникали в качестве инструмента решения каких-либо конкретных задач, постепенно модифицируясь (адаптируясь) вместе с изменением повестки дня.

Реальным фундаментом и ведущими силами регионального сотрудничества здесь выступают деловые сети, образуемые «безнациональными» предприятиями «зарубежных китайцев» (хуацяо), бывшими колониальными торговыми домами (хонги) и многонациональными фирмами сначала японского, затем корейского и тайваньского происхождения³. Формирующаяся на этой базе реальная экономическая взаимозависимость привела в действие механизм согласованного экономического развития и роста (модель «стаи летящих гусей» или «каскадного развития»), который стал одним из наиболее существенных катализаторов интеграции в АТР. Обнаружившееся в этой связи несоответствие между относительной неразвитостью институциональных форм межгосударственных кооперационных взаимодействий и стремительными темпами расширения реальных хозяйственных связей привело к необходимости выделения специфической разновидности регионализма («фактической», «рыночно побуждаемой» интеграции или «мягкого регионализма»), а формирующиеся на этой базе группировки относить к категории «открытых экономических ассоциаций».

Азиатско-тихоокеанскую разновидность регионализма даже в организованных его формах отличает отказ от жестких институциональных структур, обязывающих регламентов и требований, предъявляемых к участникам групповых объединений. Совместная (коллективная) деятельность направляется и регулируется здесь не формальными договоренностями и соглашениями, а, скорее, некими совместно выработанными общими ориентирами. Эти ориентиры определяют предпочтительное направление, оставляя для участников группировки значительную свободу выбора путей и темпов продвижения. Показательным в этом отношении является процесс эволюции одного из крупнейших объединений в этой части мира – форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Само его

появление было мотивировано главным образом стремлением большинства государств региона не упустить возможных выгод, предоставляемых уско-ряющейся динамикой мировых хозяйственных процессов. Оно создавалось в качестве «неформального консультационного форума» со слабым институциональным каркасом и общими задачами. Все последующие попытки англосаксонских членов организации (прежде всего, США) придать ей большую организационную и содержательную определенность, натолкнулись на достаточно твердое и согласованное противодействие их азиатских партнеров. Победа «азиатского подхода» привела к тому, что АТЭС, скорее, может быть охарактеризован как процесс и совокупность добровольных обещаний, а не как организация или обязывающее соглашение.

Последующие перспективы эволюции регионализма на базе данного шаблона менее определены. С одной стороны, интеграционные процессы в этом регионе способны развиваться достаточно быстрыми темпами при сохранении благоприятной внешней конъюнктуры и даже в случае некоторого ее ухудшения. Больше того, процесс институционального укрепления одного из наиболее стабильных региональных образований (АСЕАН) и объединение вокруг него большей части региональных кооперационных инициатив позволяют говорить о наличии здесь неплохих возможностей для дальнейшей динамики регионализма.

«Догоняющий» регионализм. Гораздо меньше шансов на успешную интеграцию и развитие межгосударственного сотрудничества в ближайшей перспективе предоставляет шаблон «догоняющего» регионализма. Общий невысокий уровень экономического развития большинства участников региональных объединений, образующих этот шаблон и их однотипные неэффективные хозяйственные структуры объективно ограничивают возможности кооперации между ними. Попытки ее расширения дирижистскими мерами чаще всего не дают нужного эффекта, что усиливает взаимное недовольство и снижает интерес к совместным действиям. Основным стимулом к сотрудничеству в этом случае является (хотя и не декларируется открыто) стремление к получению (увеличению) с помощью коллективных усилий индивидуальных выгод в виде расширения торговли, ускорения темпов экономического роста или создания новых отраслей промышленности. Поэтому эффективность региональных структур в этом случае определяется не столько общими достижениями, сколько справедливостью их распределения и размеров индивидуальной доли выгод. Постоянно возникающие в этой связи «дистрибутивные» конфликты подрывают единство групповых образований, провоцируя участников на поиск новых, более благоприятных для них конфигураций партнеров. Другими словами, основная цель группового сотрудничества – получение

ние реальных экономических выигрышей в ближайшей перспективе, а интеграция рассматривается как средство ускорения индивидуального экономического роста.

Серьезным препятствием для развития интеграционных процессов в рамках этого шаблона является также слабость внутривнутриполитических структур и нерешенность проблем национальной интеграции. Сталкиваясь с угрозами суверенитету изнутри, государства-участники кооперационных объединений весьма негативно воспринимают любые идеи, ограничивающие их внешнюю самостоятельность. Фактором, тормозящим интеграционные процессы, часто становится и негативный опыт предшествующего сосуществования в рамках «навязанных» единых структур, будь то бывшие колониальные империи, региональные альянсы или квазифедеративные государства. Многочисленные попытки использования доставшихся от них в наследство совместных хозяйственных институтов и структур в качестве основы для «реальной» интеграции оказались малопродуктивными, еще более усилив взаимное разочарование. Объективная неразвитость нормативно-правовой базы и общераспространенная необязательность исполнения договоренностей и установленных правил становятся причиной нестабильности и недолговечности создаваемых кооперационных объединений. Таким образом, прогресс «догоняющего» регионализма хотя, в принципе, и возможен, однако требует значительно большего времени и скоординированных усилий участников, связанных с отлаживанием механизмов и процедур совместной деятельности.

«Оборонительно-конкурентный» регионализм. Появление шаблона «оборонительно-конкурентного» регионализма, представленного главным образом латиноамериканскими кооперационными объединениями, обусловлено специфической ситуацией близкого соседства региона с крупнейшей мировой державой – США, безоговорочно доминирующей в Западном полушарии. Имеющие длительную историческую традицию идеи латиноамериканского единства стимулировались желанием государств региона добиться таких же экономических успехов, каких достигли после своего объединения бывшие североамериканские колонии, и, одновременно, опасениями оказаться под влиянием или контролем со стороны северного соседа. Позже это противоречие породило еще одну дилемму латиноамериканской интеграции – между стремлением к открытости и страхом проиграть в конкуренции с более мощным соседним государством. Это опасение заставило латиноамериканские государства еще в 1957 году отказаться от проекта создания общего континентального рынка с участием США.

Не случайно именно Латинская Америка стала родиной радикальных кооперационных концепций защитного характера – регионального импортозамещения и побуждаемой индустриализации. С опорой на эту теоретическую базу в 1969 году

возникает региональная группировка (Андский пакт), участники которой, наряду с программами интеграционных мероприятий, попытались реализовать комплекс мер, ограничивающих возможности иностранных компаний и ТНК. Вмешательство США и их попытки поставить под контроль процессы региональной кооперации в соседнем регионе в целом ряде случаев становились одной из причин кризисов латиноамериканских групповых объединений. Смена в 1973 году при поддержке США политического режима в Чили в значительной степени дезорганизовали Андский пакт. Открытое вооруженное вторжение на Гренаду привело к обострению внутренних противоречий в Карибском сообществе (КАС), приведя его в середине 1980-х годов на грань распада. Последние события, связанные с обсуждением проекта Общеамериканской зоны свободной торговли (ЗСТА), а также вновь наметившийся на континенте подъем «левых» политических настроений, свидетельствуют, что «конкурентно-оборонительный» стимул по-прежнему остается важным двигателем региональных объединительных процессов.

Последние десятилетия эволюции регионализма отмечены серьезными содержательными переменами. Уменьшение количества и частоты организационных перестроек указывает на то, что большая часть действующих региональных интеграционных объединений в основном миновала этап экспериментов и поиска наиболее адекватных концептуальных моделей групповой кооперации. Эти модели стали более разнообразными и гибкими. Значительно реже они основываются на заимствованных готовых шаблонах и гораздо чаще определяются исходя из возможностей, потребностей и реальных условий конкретных стран и регионов. К числу общих черт, которые отличают регионализм последних лет, относятся его увеличивающаяся открытость, большая реалистичность целей и задач, отказ от не вполне продуманных и, одновременно, чрезмерно регламентированных стандартов коллективных действий, стремление к поиску более совершенных институциональных форм и расширению круга активных участников интеграционных процессов на региональном уровне. В то же время, объективные факторы, которые привели к оформлению нескольких различающихся между собой шаблонов международного регионализма, указывают на то, что перспективы его дальнейшего развития в разных регионах мира далеко не одинаковы.

¹ Борко Ю.А. Расширение и углубление европейской интеграции // *Мировая экономика и международные отношения*. 2004. № 7. С. 15.

² Шишков Ю.В. *Интеграционные процессы на пороге XXI века*. М., 2001. С. 254.

³ Lasserre P. and Schütte H. *Strategies for Asia Pacific*. N.Y.: New York University Press, 1995. P. 17.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОРСКИХ ПОРТОВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

А.А. Караиванов

Филиал Российского института стратегических
исследований в г. Владивостоке

Успешное развитие экономики Приморского края и транспортной системы всего Дальнего Востока России (ДВР) во многом зависит от состояния портового хозяйства региона. Наличие крупных, незамерзающих портов с круглогодичной навигацией позволяет Приморью перерабатывать более 60% грузов Дальневосточного Федерального округа (ДФО).

В 2007 г. порты Дальневосточного Федерального округа (ДФО) переработали 79,7 млн т грузов, что на 15,3% больше, чем в 2006 г. В первую очередь, рост обеспечивался за счет увеличения объемов перевалки наливных грузов. Положительную динамику сохранили также портовые операции по перевалке угля и химических минеральных удобрений. На 7,1% выросли обороты контейнерных терминалов. Рост грузооборота портов Приморского края в 2007 г., впервые за несколько лет, составил 6%.

Объем перевалки грузов морскими портами Дальневосточного бассейна в 2008 г. вырос по сравнению с предыдущим годом на 1,2% и составил 80,4 млн т. Рост обеспечивался в основном за счет увеличения объемов перевалки сухих грузов на 3,1%, в частности: экспортного угля на 9,3%, черных металлов в 1,4 раза, цветных металлов в 1,4 раза, руды в 1,5 раза; импортного глинозема на 3,4%, тарно-штучных грузов на 10,2%, грузов в контейнерах на 9,9%.¹

Лидером по росту грузооборота среди портов Приморского края в 2008 г. стала крупная стивидорная компания порта Находка – **ОАО «Находкинский морской торговый порт»²** (ОАО «НМТП»), которая увеличила общий грузооборот до 7367,3 тыс. т. Рост обеспечивался за счет переработки черных и цветных металлов, а также навалочных грузов. Следует упомянуть, что по итогам 2007 г. предприятие показало отрицательную динамику грузооборота (-20,7% по сравнению с 2006 г.). Тем не менее, по прогнозам аналитиков, в ближайшие годы спрос на металлы в странах АТР останется нестабильным, что может существенно сказаться на работе торгового порта.

ОАО «Владивостокский морской торговый порт» (ОАО «ВМТП»³) в 2008 г. увеличило грузооборот на 21% до 5914,8 тыс. т по сравнению с 2007 г.

Перевалка экспортных грузов превысила показатели 2007 г. на 43% (2850,3 тыс. т). Главными составляющими в этом направлении стали металлы и метизы - 1655,3 тыс. т, металлолом навалом - 266,5 тыс. т, контейнеры - 328,7 тыс. т (100897 TEU). В импортном направлении за 2008 г. портом переработано 1906,4 тыс. т грузов различной номенклатуры (+10% к 2007 г.). В структуре импорта преобладают контейнеры - 918,9 тыс. т (89773 TEU), автомобили и техника - 522,1 тыс. т (253240 ед.). Также за 2008 г. обработано 1158,1 тыс. т каботажных грузов, это на 2% больше показателей 2007 г. Основными грузами каботажного направления стали контейнеры - 738,7 тыс. т (76618 TEU) и нефтепродукты наливом - 314,1 тыс. т.⁴

Таким образом, можно констатировать, что новому руководству порта удалось сохранить положительную динамику роста и преодолеть негативные тенденции последних лет, которые снизили грузооборот до уровня 1998 г.

По экспертным оценкам, в 2009 г. руководству ОАО «ВМТП» не удастся сохранить значительные темпы роста грузооборота, что связано не только с мировыми кризисными явлениями, но и со вступлением в силу постановления о повышении пошлин на импорт автотранспортных средств, а также с введением запрета на экспорт металлолома через ряд дальневосточных портов.

ОАО «Торговый порт Посьет»⁵, также как и большинство портов региона, показало в 2008 г. положительную динамику роста грузооборота, увеличив его по сравнению с предыдущим годом на 62,8% до 2824 тыс. т. Следует упомянуть, что основным перерабатываемым грузом является уголь, добывающийся на предприятиях группы «Мечел», что делает порт восприимчивым к колебаниям спроса на это сырье. Однако эксперты полагают, что в ближайшие годы спрос на уголь различных марок в АТР будет постепенно увеличиваться.

Крупнейшая стивидорная компания на Дальнем Востоке России **ОАО «Восточный порт»⁶** обработала в 2008 г. 14998,4 тыс. т грузов, что на 8% меньше показателей 2007 г. (16346,0 тыс. т). Падение грузооборота, прежде всего, связано с проводимой руководством компании модернизацией угольного комплекса, в рамках которой будут заменены не только вагоноопрокидыватели, но и созданы два дополнительных склада вместимостью по 200 тыс. т, заменена дренажная система и 12 магнитных сепараторов, проведена полная автоматизация систем управления. Проект также предусматривает расширение подъездных железнодорожных путей. Эксперты полагают, что после завершения модернизации угольного комплекса ОАО «Восточный порт» сможет существенно увеличить грузооборот и сохранит лидирующие позиции среди стивидорных компаний на российском Дальнем Востоке.⁷

На территории Восточного порта действует ряд стивидорных компаний, общий грузооборот которых в 2007 г. составил 4307,6 тыс. т. Эксперты отмечают, что хозяйственная деятельность этих субъектов не в состоянии обеспечить существенное увеличение объемов перерабатываемых грузов.

Анализ хозяйственной деятельности ведущих портов Приморского края позволяет выделить основные тенденции в развитии портового хозяйства региона. В ближайшие годы ожидается существенное уменьшение объемов перевалки лесных грузов. Это связано как со снижением спроса на древесину в странах АТР, так и с истощением лесного фонда Приморья. Спрос на черные и цветные металлы в азиатских странах останется нестабильным, что может сказаться на грузообороте портов, которые специализируются на перевалке экспортных металлов. Следует также упомянуть, что 30 марта 2009 г. в силу вступает приказ Федеральной таможенной службы, который вводит запрет на экспорт металлолома через порты региона (за исключением Петропавловска-Камчатского), что отрицательно отразится на объемах грузооборота. Контейнерное и угольное направления сохранят положительную динамику роста. Повышение импортных пошлин на автотранспортные средства, а также снижение курса рубля, приведет к существенному сокращению грузооборота средств транспорта. По мнению специалистов, благоприятные тенденции 2007-2008 гг., связанные с увеличением перевалки грузов в портах Приморского края, под влиянием нестабильной экономической ситуации на мировых рынках, уже в 2009 г. приведут к снижению грузооборота в большинстве портов региона.

Необходимо отметить также ряд проблем, которые препятствуют успешному функционированию и развитию портового хозяйства Приморского края. Наиболее актуальной из них является низкая грузопропускная способность портов. Данная проблема носит комплексный характер и включает в себя не только износ оборудования и коммуникаций, но и отсутствие тылового обеспечения. По мнению специалистов, участие государства в процессе обновления портовых мощностей будет способствовать привлечению инвестиций, но в то же время необходимо учитывать, что порты являются частными компаниями, и государство не может брать на себя основные затраты по их реконструкции.

Темпы развития портовых экспортно-импортных мощностей во многом зависят от пропускной способности железно- и автодорожных магистралей. Порты Находки и Восточного на протяжении большого периода времени осуществляют грузоперевозки, используя одну железнодорожную ветку, которая в ближайшем будущем будет не в состоянии обеспечить логистические потребности портов. В этой связи не-

обходимо, чтобы железная дорога и порты совместно выполняли эксплуатационную работу и скоординировано осуществляли развитие инфраструктуры.

Сегодня оперативное управление перевозками осуществляется различными участниками логистического процесса. Для совместного решения спорных вопросов и координации работы порта и железной дороги целесообразным считается создание независимого логистического центра, который будет взаимодействовать с управляющими структурами железной дороги и порта на договорной основе, и выполнять делегированные обоими участниками транспортного процесса управляющие функции по координации их работы. Это позволит повысить эффективность организации грузопотоков, рационализировать взаимодействие управленческих структур, снизить транспортные издержки.

Администрации портов на протяжении многих лет не уделяли достаточного внимания развитию импортных мощностей, концентрируя свою деятельность на экспорте. Данная практика привела к дефициту мощностей, ориентированных на импорт. Кроме того, нескоординированная деятельность портовых, таможенных и других служб ведет к существенным задержкам в оформлении импортных грузов. Это не соответствует интересам грузовладельцев.

В последние годы специалисты уделяют особое внимание деятельности многочисленных стивидорных компаний. Как показывают исследования, большинство компаний, работающих внутри портовых зон, не оказывают существенного влияния на увеличение общего грузооборота. С одной стороны небольшие узко специализированные стивидорные компании являются более гибкими структурами, способными подстраиваться под рыночную ситуацию, эффективно развивать бизнес и привлекать инвестиции. С другой стороны, они монополизируют определенные направления портовой деятельности и, руководствуясь собственными экономическими интересами, искусственно тормозят развитие порта в целом. Наиболее эффективна схема, когда основные направления бизнеса контролируются владельцами портовых территорий, а сопутствующие основному бизнесу направления осуществляются стивидорными компаниями.

Ряд недостатков присутствует и в законодательном обеспечении деятельности морских торговых портов. Эксперты отмечают, что для полноценной работы Федерального закона «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» необходимо принять порядка 60 нормативных правительственных актов. Также требует доработки и принятый в октябре 2007 г. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный Закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», который предусматри-

вает возможность создания и функционирования на территории России портовых особых экономических зон (ПОЭЗ) и должен способствовать решению проблем развития транспортной инфраструктуры, минимизации инвестиционных рисков и формированию на основе портов центров экономического роста.

В последние годы Правительство Российской Федерации уделяет повышенное внимание портовому хозяйству, пытаясь создать действенные механизмы его регулирования и развития. К сожалению, уникальный опыт России по созданию и успешному функционированию порто-франко на восточных рубежах государства остается малоизученным и не используется в процессе создания на портовых территориях особых экономических зон, способных положительно повлиять на реализацию потенциала портов и стабилизацию их работы.

¹ Анализ грузооборота морских портов Дальневосточного бассейна за 2008 г. [Электронный ресурс]. – 2008. – декабрь. – <http://transrussia.net/analytics/2008/12/DV.aspx>

² Контрольный пакет акций принадлежит промышленной группе Евраз Групп (ранее ЕвразХолдинг), которая входит в число пятнадцати крупнейших производителей стали в мире.

³ Акционеры: ЗАО «Порт-Актив» (50%), ОАО «Дальневосточное морское пароходство» (50%).

⁴ Грузооборот Владивостокского морского торгового порта в 2008 году возрос на 21% [Электронный ресурс]// ОАО «ВМТП», официальный сайт. – 2009. – январь. – http://www.vmtp.ru/ru/press-centre/news_of_the_company/2009/01/14/gruzooborot_vladivostokskogo_morskogo_torgovogo_porta_v_2008_godu_vozros_na_21/

⁵ 96,9% акций порта принадлежит ООО «Мечел-Транс» - дочерней транспортной компании ОАО «Мечел».

⁶ Владелец контрольного пакета акций (74,5%) – оффшор «Истерн Стивидоринг Холдингз Лимитед» (согласно меморандуму облигационного займа, через эту компанию 52% акций порта Восточный принадлежит ОАО «Кузбассразрезуголь»), 19,99% акций принадлежит ЗАО «Сибуглемет» и 5,44% акций находится у физических и юридических лиц.

⁷ Клименко О. Восточная модернизация // ДДГ «Золотой рог». – 2008. - №33 (1508). – С. 18.

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ ОСОБЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОНАХ

Н.Г. Щербина

канд. юр. наук, доцент, профессор ДВГТУ,

Е.М. Щербина

канд. юр. наук, доцент, зав. кафедрой ВФ РТА

В 1990 г. Всекитайское собрание народных представителей приняло Основной закон для провинции Сянган (Гонконг), где, как и было ранее обещано, провозгла-

шалась неизменность социально-экономической системы Гонконга, сохранение до 2047 года статуса порто-франко и отдельной таможенной территории, своей валютно-финансовой системы. Тем, кто знаком с непростой историей советского, а затем и российского законодательства об особых или специальных (что по-английски все равно «special») экономических зонах, остается только позавидовать заложенной стабильности законодательства и упорству, с которым правящая компартия КНР проводила курс на создание благоприятных условий для отечественного и иностранного бизнеса в отдельных прибрежных районах, затем во многих прибрежных и приграничных районах и городах, а позже просто обязала резидентов этих районов передавать свой опыт, капиталы и технологии во внутренние районы Китая.

В эти же годы уполномоченные московские чиновники и научные работники, посещая места возможного размещения зон, излагали твердую позицию правительства: создать 2-3 зоны на территории СССР (например, Находка и Выборг); наблюдать за ними лет пять, а потом принять решение о распространении опыта.

Дальневосточные участники дискуссий предупреждали сразу, что нужны зоны четырех-пяти видов, уже известных в мировой практике (позже законодательство определило именно четыре вида зон для России¹: производственно-промышленные ОЭЗ; технико-внедренческие ОЭЗ; туристско-рекреационные ОЭЗ; портовые ОЭЗ (введенные Федеральным законом от 30 октября 2007 г.).

Однако московские участники дискуссий посчитали свою задачу по доведению мнения центра до провинции выполненной и с тех пор сосредоточили свои усилия на изучении зарубежного опыта в Шеньчжене, Шанхае, в Южной Корее и в Калифорнии. Затем один из Московских институтов выполнил проект по СЭЗ «Находка», на основе которого и было принято соответствующее постановление правительства.

Местные специалисты сразу предупредили, что нельзя вместо точечных портовых зон делать зону огромного размера, включившую территории трех муниципальных образований, которые имели своих представителей в органах управления зоной и, естественно, отстаивали свои интересы, как это делали в известной басне лебедь, рак и щука. Закон 2005 г. прямо запретил создание таких «лоскутных» зон и установил предельные размеры площади для ОЭЗ от 3 до 50 кв. км, но с возможностью увеличения, а городские власти Находки позже вернулись к созданию точечных портовых зон внутри огромной неэффективной зоны.

В начале 90-х годов было подано более 100 заявок местных властей на установление зон, и все они встречались враждебно депутатами других от регионов, где тоже хотели производить и поесть «свою колбасу за забором». Приморский край, воодушевленный попытками Калининградской, Магаданской, Читинской и

Сахалинской областей, Ингушетия и др. субъектов федерации, также разработал проект закона «Об особом статусе Приморского края», от которого осталось только приложенное к нему постановление правительства, обеспечивающее федеральные дотации краю-форпосту, что тоже можно считать успехом.

Но и утвержденные зоны не стали эффективно работать, поскольку их деятельность вступала бы в противоречие с практикой работы таможенных и иных федеральных органов, а подготовка и пробивание комплекса изменений в федеральном законодательстве были им не под силу. От желанных полномочий у зон осталась разве что несколько упрощенная регистрация предприятий с иностранными инвестициями. Не удивительно, что Закон 2005 г. ст. 40 просто отменил все ранее созданные зоны, кроме Калининградской области и Магаданской области, чьи зоны, очевидно, должны быть приведены в соответствие с Законом.

Примечательно, что в соответствии с данным Законом и развивающимися его подзаконными актами сформировалась организующая и направляющая сила – «федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный осуществлять функции по управлению особыми экономическими зонами» – Федеральное агентство по управлению ОЭЗ, начальник которого, Юрий Николаевич Жданов, 26.08.06 г. провел интернет-конференцию «Создание ОЭЗ туристско-рекреационного типа». Из материалов конференции, до сих пор доступных в «Гаранте», специалисты могут узнать много «нового и удивительного». Например, что в России всего два морских побережья, Балтика и Черное море; - что, исходя из указанного факта, определены два базовых института для подготовки кадров под будущие зоны – один в Москве, другой – в Краснодарском крае, что создаются территориальные органы Агентства на местах для участия в управлении конкретными зонами (где создаются, можно уже догадаться); что Нотр-Дам – крупнейший порт Европы (очевидно, чиновник имел ввиду Роттердам – Ш.); что агентством подготовлен и в целом согласован проект федерального закона о «международных портовых зонах». Не стоит запоминать это введенное чиновником новое название. Важнее знать, что есть Федеральный закон от 25.07.05 г. «Об особых экономических зонах» №116-ФЗ, в ст.4 которого закрепляется точное название этих зон – «портовые особые экономические зоны», на которые распространяются специальные и общие положения данного Закона и принятых в его развитие подзаконных актов. Кроме того, необходимо помнить, что ст.1 Федерального закона от 08.11.2007 г. N 261-ФЗ «О морских портах в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» подчеркивает приоритет действия норм Закона 2005 г.: «Особенности государственного регулирования, а также особенности осуществления

экономической деятельности и правового положения субъектов такой деятельности в портовых особых экономических зонах устанавливаются законодательством Российской Федерации об особых экономических зонах».

В целом материалы конференции в «Гаранте» производят странное впечатление и, очевидно, отражают общий уровень проработки в Москве вопросов, связанных с созданием зон в регионах.

Из сказанного выше следует вывод, что субъекты федерации и муниципальные образования, планирующие создать у себя зону любого типа, не должны слепо полагаться на федеральное агентство, даже если у него такое убедительное название. По смыслу и букве Закона 2005 г. именно они, исходя из интересов местного населения, своих избирателей и налогоплательщиков, подписывают с агентством соглашение по передаче полномочий по управлению и распоряжению земельными участками и другими объектами недвижимости на территории зоны, находящимися в их собственности. И передают они эти полномочия на 20 лет, а по портовым зонам – на 49 лет. Именно они, наряду с агентством, направляют в наблюдательный совет зоны для текущего управления своих представителей, представителей резидентов зоны, намеренных вести там предпринимательскую деятельность, а также представителей образовательных и научно-исследовательских учреждений, действующих в границах данного муниципального образования (ст.7 Закона). Так что пора под новым углом внимательно посмотреть на полномочия краевых и муниципальных властей, определенные законодательством об основах местного самоуправления, сформировать группу лиц, способных участвовать в управлении зонами разного типа на территории края, и провести с ними ряд занятий по соответствующим юридическим и экономическим вопросам с привлечением квалифицированных дальневосточных специалистов. И провести это надо быстро, помогая в то же время Агентству сформировать здесь свой территориальный орган с участием специалистов региона, имеющих соответствующую специальность и знание местных условий, труд которых будет оплачиваться из федеральных средств.

В связи с принятием Закона об ОЭЗ (ФЗ №116-ФЗ) потребовалось внести ряд изменений в законодательство РФ, что и было сделано Федеральным законом от 22 июля 2005 г. №117-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты в связи с принятием Федерального закона «Об особых экономических зонах в Российской Федерации». В числе крупнейших изменений можно отметить следующие: освобождение организаций-резидентов ОЭЗ в течение первых пяти лет от уплаты налога на имущество и земельного налога; понижение ставки единого социального налога (ЕСН)

по технико-внедренческим зонам, что позволит поднимать там заработную плату для привлечения ценных отечественных и иностранных специалистов. Кроме того, в Федеральный закон «Об особых экономических зонах» включены нормы прямого действия, устанавливающие таможенный режим свободной таможенной зоны, согласно которому иностранные товары размещаются и используются в пределах территории ОЭЗ без уплаты таможенных пошлин, налогов, а также без применения к указанным товарам запретов и ограничений экономического характера, установленных в соответствии с законодательством о государственном регулировании внешнеторговой деятельности, а российские товары размещаются и используются на условиях, применяемых к вывозу в соответствии с таможенным режимом экспорта с уплатой акциза и без уплаты вывозных таможенных пошлин².

Кроме указанных Федеральных законов, в систему законодательства об особых экономических зонах в РФ также входят: Указ Президента РФ от 22 июля 2005 г. №855 «О Федеральном агентстве по управлению особыми экономическими зонами»; Постановление Правительства РФ от 19 августа 2005 г. №530 «О Федеральном агентстве по управлению особыми экономическими зонами»; Распоряжение Правительства РФ от 28.июля 2005 г. «О руководителе федерального агентства по управлению особыми экономическими зонами»; письмо Федеральной таможенной службы от 28.02.2007 г. №05-11/7484. Кроме того, как предусмотрено самим законом об ОЭЗ, правительство должно утвердить порядок проведения конкурса по отбору заявок, а агентство должно утвердить форму самой заявки.

Вполне вероятно, что и в закон об ОЭЗ регулярно будут вноситься изменения, а для его реализации на границе с сопредельными государствами будут заключаться международные соглашения РФ или международные соглашения субъектов Российской Федерации, утверждаемые федеральным правительством в соответствии с Федеральным законом от 4 января 1999 г. №4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации». При этом важно учитывать развитие законодательства о таких зонах и практики его применения в сопредельных государствах (такой опыт имеется, например, в КНР и в Украине, а на отдельных участках российско-китайской границы уже предпринимались попытки совместных действий по установлению экономических зон в приграничных населенных пунктах (например, Благовещенск/Хэйхе, пос. Пограничный/Суйфэньхе), но все они были успешными только с китайской стороны границы.

Что же касается возможных изменений самого закона, то это можно предположить в отношении статей, в которых указываются в миллионах

евро или рублей минимальные объемы инвестиций в различных видах зон и минимальное обеспечение уплаты таможенных пошлин и налогов. Создается впечатление, что закон об ОЭЗ, как и предшествовавшие ему акты, срочно готовился под конкретные промышленные, технико-внедренческие проекты, а также проекты строительства и эксплуатации портов, а конкретные числа объемов решено корректировать по мере возникновения необходимости и накопления опыта на первых зонах.

Когда в любом из субъектов РФ дело дойдет до подготовки заявки по конкретному проекту, необходимо, на наш взгляд, обратить особое внимание на ряд ограничений и требований, содержащихся в статьях закона. Такие как, например:

- «В ОЭЗ, за исключением туристско-рекреационной ОЭЗ, не допускается размещение объектов жилищного фонда» (ст. 4.4 ФЗ №116-ФЗ от 25.07.05) (в СЭЗ «Находка», как известно, под влиянием общей эйфории и советов московских авторов проекта вошли два города и несколько поселков, что создавало очевидные трудности в управлении как зоной, так и населенными пунктами);

- «На момент создания технико-внедренческой ОЭЗ земельные участки, образующие ее территорию, за исключением земельных участков которые предназначены для размещения и использования объектов инженерной инфраструктуры и на которых размещены такие объекты, не должны находиться во владении и(или) пользовании граждан и юридических лиц, за исключением общеобразовательных и (или) научно-исследовательских организаций» (ст. 5.3);

- «Технико-внедренческие ОЭЗ создаются не более чем на двух участках территории, общая площадь которых составляет не более чем *три* квадратных километра» (ст. 4.2).

Закон не запрещает создание зон двух или более видов на одном и том же участке территории, но, очевидно, необходимость и возможность такого совмещения должны обосновываться в заявке администрации субъекта федерации в Правительство РФ о создании ОЭЗ, а затем и в проекте соглашения о создании ОЭЗ с участием Правительства и соответствующего муниципального образования. Возможно, для такого совмещения зон более всего подходят островные территории в черте города. Например, производство рыбопродукции может быть сферой внедренческой деятельности и в то же время входить в число видов деятельности, разрешенных в портовой особой экономической зоне. А островное положение зоны позволит легче контролировать движение людей, транспорта и грузов (в зоне Шеньчжень, например, три ряда колючей проволоки не спасают от сотен местных жителей, ежедневно проникающих на ее территорию из любопытства или в поисках работы).

Недавно руководитель Российского федерального агентства по рыболовству, выступая по телевидению, предложил сдавать промышленные участки в концессию или в аренду сроком на 30 лет. Возможно, это предложение родилось под влиянием успешного распределения квот вылова на долгосрочной основе, а, может, просто правительство распорядилось принять меры для увеличения удельного веса отечественной рыбы в магазинах. В любом случае введение новых условий работы требует тщательного и всестороннего рассмотрения всех связанных с этим вопросов, а сама идея долгосрочной аренды рыбопромышленных участков прекрасно сочетается с процессом создания на побережье особых экономических зон различного вида.

Но важнее всего обеспечить в ходе работы над новыми формами, чтобы во всех документах нашли отражение интересы развития регионов и населенных пунктов, интересы самого населения: зоны и стройки – для людей, а не наоборот, что чаще было в нашей истории, когда власть жестко выстраивала свои приоритеты: люди, потом зоны, потом стройки – «Пойте миру, заводские трубы, дымом синее небо коптя». И об этом надо всегда помнить, работая над достижением прагматичных *целей*, провозглашенных в ст. 3 Закона 2005 г. «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»: развитие обрабатывающих отраслей экономики, высокотехнологичных отраслей, производства новых видов продукции, транспортной инфраструктуры, а также туризма и санаторно-курортной сферы.

Следует отметить важную особенность нового законодательства об особых экономических зонах: законодатель стремится не к большому числу регистраций новых субъектов с привлечением иностранных инвесторов, как это делается в классических оффшорных зонах, где даже запрещается коммерческая деятельность и поощряется уклонение от налогообложения, как это делалось в прежних российских зонах – СЭЗ «Находка», зоны в Ингушетии и Калмыкии. В новом законе задача привлечения иностранных инвесторов вообще не ставится; главное – организация разрешенной в данной зоне деятельности, а инвестор, в т.ч. иностранное лицо, может создать на территории зоны свою коммерческую организацию и получить для нее статус резидента ОЭЗ, заключив с органами управления ОЭЗ соглашение об осуществлении соответствующей деятельности в ОЭЗ³.

Возможно, это только подтверждает тезис о том, что закон об ОЭЗ 2005 г. появился уже как результат формирования и согласования между Правительством РФ и крупными инвесторами (в основном с российскими и с показавшими себя на российском рынке иностранными инвесторами) списка определенных приоритет-

ных проектов по строительству и реконструкции автомобильных заводов, нефтеперерабатывающих заводов, по строительству и эксплуатации морских портов и аэропортов, трубопроводов, по созданию технопарков и технополисов, о которых нам регулярно сообщают СМИ. Одним из подтверждений может также служить недавнее предложение разрешить тем, кто реализует приоритетные проекты, вывозить из России круглый лес, что вызвало острые споры в Госдуме.

¹ Федеральный закон от 25 июля 2005 г. №116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации», ст.4

² Толкушкин А.В. Комментарий (постатейный) к Федеральным законам от 22 июля 2005 г. №116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» и от 22 июля 2005 г. №117-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты в связи с принятием Федерального закона «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Система «Гарант», 2005 г.

³ Канашевский В.А. Международное частное право: Учебник.- М.: Междунар.отношения, 2006. С. 243.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МОЛОДЁЖНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В АЗИИ

А.А. Фисенко

Дальневосточный государственный университет

Как показывает практика международного сотрудничества, межкультурного обмена и других форм взаимодействия различных стран и их представителей, по мере развития общества, усложнения информационных потоков, и появления новых знаний, проблема коммуникаций, казалось бы, должна упрощаться.

Однако, на самом деле, мы начинаем сталкиваться с новыми сложностями. Благодаря развитию таких новых технологий как мобильная связь и интернет, а также все более набирающему силу мировому желанию учить иностранные языки, представления о странах стремительно меняются. Народы многообразны, также как и разнообразно их восприятие мира и их жизненная практика. Поэтому и возникает вопрос о том, как нам достигать понимания и обмениваться информацией, как создавать всевозможные межнациональные и межкультурные союзы, члены которых могли бы в равной степени участвовать в интеграционных процессах?

Для этого нам нужен универсальный мостик – язык. И этим языком в XXI веке стал английский язык. Вместе с тем, по мере популяризации обучения английскому языку возникает новая сложность – разный уровень языка часто не позволяет донести оттенки тех или иных чувств или нюансы речи. На наш взгляд,

эта трудность преодолима – и её преодоление выступает в форме совместной работы участников, в виде форумов, многодневных семинаров, конференций и др. форм коллективной работы. Ведь благодаря тесному личному контакту во время проведения таких мероприятий, понимание других культур посредством их переживания выходит на новый, эмпирический уровень.

Мне бы хотелось показать это на примере работы *Asian Youth Forum (AYF)* – ежегодном событии, который в прошлом году прошел в Токио, столице Японии. Мне повезло стать студентом – представителем России в 2008 году, и мне кажется, что такое мероприятие, как этот форум, является важной частью практической реализации тех коммуникативных проблем, которые стоят сейчас перед нами, как носителями определенных культурных моделей – миропонимания, поведения, языковой картины мира.

AYF – это организация, созданная профессором Университета Тоттори Кипом Кейтсом (Prof. Kip Cates) в 1999 году, целью которой является объединение молодежи, проживающей в более чем 14 странах Азии, для обсуждения нынешних острых экономических, культурологических, социальных и др. проблем, а также для того, чтобы участники делились опытом осуществления социально ориентированных проектов – т.н. *social entrepreneurship*.

Форум проводился уже шесть раз, и каждый раз его основной целью было развитие социально ответственных и гуманитарно-ориентированных лидеров, способных дать продуктивное решение на вызовы, стоящие перед обществом. Принимая во внимание тот факт, что это – молодежный форум, акцент делается на неформальное общение – это и совместные презентации, и командные дебаты, и, в некоторой степени, «простые» разговоры, и вечерние дружеские споры. Форум призван поощрить развитие многонациональных и межкультурных социальных сетей, которые бы помогли объединить общие усилия в борьбе с вызовами тысячелетия – экологическими, экономическими и социально-политическими.

Сейчас перед мировым сообществом в целом и перед азиатским регионом в частности стоят многие проблемы, требующие комплексного подхода и взаимодействия многих сторон, участвующих в их решении. В этой связи мы считаем возможным выделить две из них, являющихся, по нашему мнению, наиболее важными.

Первой проблемой является ограниченность доступа молодежи к образовательным ресурсам. Сейчас многие зарубежные и национальные благотворительные организации активно помогают развиваться сообществам, нуждающимся в элементарном образовании. Нам кажется, что эта проблема разрешима, несмотря на то, что для этого необходимо использовать как немалые финансовые, так и людские ресурсы.

Другой, не менее важной проблемой, и, может быть, на первый взгляд, не такой острой, является потерянная коммуникативность между людьми. Иными словами, люди часто не понимают друг друга, причиной чего могут служить разные факторы: будь то слишком разнящиеся религиозные традиции, национальная неприязнь, укоренившиеся негативные стереотипы и т.д. Нельзя говорить о человеческой или даже Азиатской цивилизационной модели, если люди слушают, не понимая. Нам кажется, что значимым препятствием на пути к пониманию является и такой фактор, как нежелание понимать, и попытка отгородиться от внешнего воздействия, что нередко приводит к созданию экстремистских организаций и движений.

Для того, чтобы достичь главной цели процесса коммуникации – понимания собеседниками позиций друг друга, – мы, разделенные разными культурами и традициями, нашли то, что нас объединяет – мы все говорили по-английски. Английский язык – благодаря своей твердой грамматической конструкции и гибкой структуре лексики, которая может заимствовать и преобразовывать заимствованные слова, остается основным *lingua franca* Азиатского региона. Поэтому помимо многих вопросов, обсуждавшихся на Форуме – экологических проблем, мастер-классов по лидерству, вопросов толерантности и др., – в его программе были запланированы и проведены лекции, посвященные проблемам обучения и преподавания английского языка в различных странах региона. Как нам представляется, благодаря тому, что был найден общий язык общения – английский язык, – существенно возросла сама интенсивность внутриазиатских контактов. А действующие программы студенческих обменов, приглашение студентов-слушателей и другие формы международных контактов открывает огромные возможности как для личностного развития каждого, проживающего в этом регионе мира, так и для обогащения своей национальной культуры.

В соответствие с итогами проведения лекций по наиболее интересным проблемам преподавания английского языка как иностранного на Форуме в Токио, позвольте представить Вам фрагменты презентации, показывающие особенности (положительные и отрицательные составляющие) обучения английскому языку в странах Азии, выявленные группой студентов-участников Форума во время его работы.

Что было характерно для студентов, участвовавших в Форуме, – так это отношение к английскому языку лишь как к средству выражения мыслей, а не как к способу сформировать в своем сознании ту языковую картину мира, проводником которой является английский язык. Часто студенты, а особенно те, у которых английский был лишь вторым языком (а не вторым официальным, как, например, на Филиппинах) используя в речи речевые обороты и крылатые выражения, обращались не к глубинам языка, а лишь к словарям.

Другими словами, нам не показалось, что английский язык служит проводником британской или американской культур. Нет. Он, на наш взгляд, является лишь инструментом коммуникации внутри азиатского сообщества. И этот инструмент может быть легко настроен под определенные нужды конкретного человека. Необходимо отметить и еще один немаловажный факт, который заключается в том, что при принятии на работу преподавателя английского языка в большинстве стран Азии, предпочтение отдается обладателю (носителю) так называемого «североамериканского» акцента, или – точнее – «американского» английского. Таким образом, нам представляется возможным проследить вектор, в направлении которого поворачивается культура и коммуникативные предпочтения Азии – это Азиатско-Тихоокеанский регион.

И в заключение нам бы хотелось отметить, что застенчивость – слово, которое часто используют для описания характера многих азиатских народов, – ни в коем случае не является преградой для общения на английском языке – почти все студенты-участники имели высокий уровень разговорного английского и не стеснялись высказываться.

Подводя итоги ситуации с преподаванием английского языка в Азиатских странах, мы можем отметить, что сейчас и ученики, и преподаватели отчетливо понимают, что преподавание, которое ориентировано на прочные знания грамматики, но мало внимания уделяющее разговорному аспекту, не может гарантировать успешное овладение языком учениками. Поэтому сейчас идет активная работа по внедрению новых техник преподавания, целью которых является научить студентов корректно высказывать собственные мысли и понимать собеседника.

Уже сейчас активно ведется работа по подготовке следующего, 7-го по счету форума, который должен пройти в конце этого года на Филиппинах, в Маниле. Почти вся работа по подготовке ведется самими студентами – участниками прошлых сессий. Мы считаем, что тот положительный опыт молодежного межкультурного общения и совместной работы, который у нас был, а также всестороннее видение роли и функций английского языка как средства коммуникации, позволит будущим участникам Форума, в т.ч. и из России, осуществить свои задуманные проекты на новом, более высоком международном уровне.

ДЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ КАК СРЕДСТВО ОСВОЕНИЯ И ПРИНЯТИЯ РЕАЛЬНОСТИ ПРОШЛОГО

Д.А. Литошенко

канд. ист. наук, доцент кафедры истории и политологии
МГУ им. адм. Г.И. Невельского

По прошествии полутора столетий со времени международно-правового закрепления факта присоединения южных территорий современного отечественного Дальнего Востока к и без того необъятным просторам российского государства, можно позволить себе бросить критический взор на результат усилий весьма многочисленного цеха «профессиональных хранителей коллективной памяти общества». Подходя с этих позиций к внушительному массиву исследовательской традиции региональной истории российского Дальнего Востока нельзя ни обнаружить, с удивлением для себя, значительной мифологизированности многих событий, явлений, процессов и прочих реалий, имевших место на самых разных этапах исторического прошлого региона.

Не будет преувеличением признать, что наиболее мифологизированными, более того – наиболее подверженными мифологизации являются именно переломные, наиболее насыщенные драматизмом моменты истории. Применительно к региональной истории российского Дальнего Востока в качестве таковых выступают такие эпизоды как закрепление за Россией территорий юга дальневосточного региона в результате заключения трех международно-правовых актов: Айгунского договора, Тяньцзиньского трактата (1858 г.) и Пекинского договора (1860 г.), и полная и окончательная отмена режима порто-франко на российском Дальнем Востоке (1909 г.). Несмотря на то, что мифологизация, выступающая в качестве архаичного способа «управления прошлым» как частного случая социального конструирования, не может жаловаться на отсутствие интереса исследователей к себе¹, тем не менее, большинство конкретных случаев мифологизации исторической действительности все еще остаются малоизученными. И это вовсе не случайно, ибо исторический дискурс отличает непреодолимой уверен в собственной невосприимчивости к мифологизациям, а для историографии демифологизационная рефлексия представляется непереносимо болезненной. Благодаря этому реальная демифологизация истории, особенно ее регионального пласта, все еще остается задачей, не актуальным состоянием. Именно на частичное восполнение указанной лакуны и ориентированна данная работа.

Заключение в 1858 г. Айгунского договора и Тяньцзиньского трактата, а в 1860 г. Пекинского договора, открыли не только новый этап в российско-китайских отношениях, изменили геополитическую ситуацию на Дальнем Востоке, но и положили начало истории дальневосточного региона России, появление которого, как особого объекта историописания, создало проблемную ситуацию вокруг историографического «освоения» вновь приобретённых территорий. Надо признать, что основной интеллектуальный продукт решения данной проблемы был предназначен для формирования и поддержания в массовом сознании установок на российскую исконность рассматриваемых территорий, справедливость и закономерность («неотвратимость») их приобретения («обретения») и иную колонизаторскую «святость».

Как бы наивно это не звучало, но в своей профессиональной деятельности многотысячная армия отечественных историков, в первую очередь, ориентируется на запросы общества, которое в большинстве своём состоит далеко не из способных к критическому осмыслению интеллектуалов, а, напротив, - из обывателей, особой пытливостью ума не отличающихся. Обыватель же должен историей собственной страны гордиться, так как в этом коренится его гражданственность. Ежели он гордится прошлым своей страны не сможет, то, и гражданственность его эрозии поддастся. Как ни прискорбно, но факт. Примитивно, но что делать?

Любезный сердцу профессионального сообщества историков обыватель, как носитель массового сознания, предрасположен к восприятию разного рода мифологизаций, подменяющих собой достоверные представления о реальности. Не является исключением в данном случае и его историческое сознание. В свою очередь сообщество профессиональных историков и творимая им историографическая традиция сами вовсе не свободны от мифотворчества, неся на себе «благословение» основоположника своего цеха – Геродота, которого его современники, за особо выдающуюся «беспристрастность» называли «отцом лжи». Особенно благоприятной почвой для историографических мифологизаций выступают те события и явления прошлого, благовидная трактовка которых далека от абсолютной и не для всех одинаково приемлема.

Сюжет о становлении дальневосточного региона как «неотъемлемой и исконной» территориальной части российского цивилизационного (социокультурного, гуманитарного и др.) пространства имеет смысловую предысторию полутора столетней давности относительно времени учреждения Приморской области и эпохи Трёх договоров – т.е. времени официального начала истории российского Приморья и Приамурья. И это выглядит вовсе не случайной прихотью, так как все названные события выстраиваются в

систему, смысловая нагрузка которой как раз и является предметом антагонизма между мифологическим и принимающим подходами к освоению событийной канвы и смысловых напластований прошлого.

С мифологизаторских позиций история дальневосточного региона России выглядит следующим образом. В своём подвижническом натиске на Восток, сопровождавшимся просвещением пребывающих во тьме невежества народов Сибири и водворением их на магистральный путь прогрессивного исторического развития, российское государство достигло берегов Тихого океана (где земли были ничейными) и, тем самым, наступила на мозоль коварному багдойскому царю (династии Цин), каковой не преминул устроить козни всяческие и притеснения люду русскому и вынудил подписать в 1689 г. унижительный Нерчинский договор. Однако полтора столетия спустя, окрепшая Российская империя своей не злобливой мощью произвела на одряхлевшую маньчжурскую династию настолько потрясающее впечатление, что той ничего иного не оставалось, как уступить ряд территорий, которые силой были ранее отторгнуты у российского государства по условиям «противозаконного» и «бесстыдного» Нерчинского договора. Таким образом, Три договора 1858-1860 гг. восстанавливали историческую справедливость и служили доказательством избранности России. Таков, в наиболее концентрированном виде, миф. Сам по себе лишь свидетельствующий о незрелости отечественного исторического сознания, нуждающегося в спасительных шорах мифологем, и неспособного в полной мере, осознанно и ответственно принять реальность своего прошлого.

С точки зрения принимающего подхода к реальности прошлого данные эпизоды в истории российско-китайских отношений, приобретают радикально иной смысл. То, что казалось российским землепроходцам «ничейной» землёй на берегах Великого восточного моря, в действительности таковой вовсе не являлась. Это были коренные маньчжурские земли – домен императорской династии Цин. Надо признать, что провозглашение этой династии в 1644 г. поставило перед маньчжурскими императорами проблему распространения и упрочения своей власти в Поднебесной. В связи с тем, что большая часть «Знамённых войск» – ударной силы маньчжурской военной машины и опоры их государственности была вовлечена в «покорение» Китая, в особенности его южных районов, вторая половина 40-х – начало 60-х гг. XVII в. прошли под знаком военных успехов, сопутствовавших российским колонизаторам в возникавших боевых столкновениях.

Но в середине 60-х гг. XVII в. ситуация начинает меняться, чему причиной было окончание захвата маньчжурами материкового Китая, которым в этот период времени удалось остановить продвижением россиян и даже местами отбросить их. В активную фазу противостояния Московского царства и династии Цин перешло после захвата маньчжурами в 1683 г. о. Тайвань. Теперь немногочисленным отрядам казаков противостояла объединённая мощь маньчжурских «Знамённых войск». В изменившейся ситуации маньчжуры были полны решимости вышвырнуть прочь «западных варваров», посягнувших на их династийный домен. Осады Албазина и «агрессивные переговоры», навязанные князем Сонготу боярину Ф.А. Головину (соотношение эскортов 10 000: 4000 в пользу маньчжуров) вылились в закономерный результат в виде, надо признать весьма сбалансированного и взаимовыгодного для сторон, Нерчинского договора. По условиям договора российское государство закрепляло за собой все приобретенные территории северной и северо-восточной Евразии. Кроме того, и Сонготу и Головин могли быть довольны собой, т.к. при таких условиях договора их головам не грозила перспектива расставания с шеей.

Полтора века спустя, вступившая в полосу глубокого кризиса, одряхлевшая Цинская династия, ослабленная двумя Опиумными войнами (1839-1842 гг.) и (1856-1860 гг.), а так же восстанием тайпинов (1850-1864 гг.) была неспособна собственными силами влиять на изменение геополитической ситуации в выгодном для себя направлении. Более того, цины были скованы ограниченным набором принципиальных моделей сложившихся в традиционной китайской дипломатии. Одна из них предписывала «использовать варваров против варваров». Именно следуя этому принципу цинские вельможи и сановники предпринимают попытки втянуть Российскую империю в ситуацию «дележа Китая», тем самым, налагая ограничения на непомерные аппетиты Англии и Франции. В этой ситуации российская дипломатия лишь позволила навязать себе «подарочек» в виде территорий, которые хоть и были для империи важны, но имели лишь значение плацдарма, призванного обеспечивать уважение к особым государственным интересам России в Восточной Азии.

Не менее мифологизированным представляется эпизод региональной истории российского Дальнего Востока, связанный с отменой режима порто-франко в конце первого десятилетия XX в. Надо признать, что в известной мере, этот эпизод связан с рассмотренным выше сюжетом региональной истории. Связующим компонентом выступают страны Западной Европы и Северной Америки, вернее – их предпринимательские сообщества, а еще точнее – держатели торгового бизнеса. Если в первом случае, цины были готовы «призвать северных варваров», лишь бы ограничить деловую и политическую активность «негоциантов Запада» в пространстве Поднебесной, то во втором – российские имперские власти были готовы

предоставить им условия беспощинной торговли, лишь бы она способствовала удовлетворению потребностей населения далекой окраины в остро необходимых продуктах и товарах. Местная же буржуазия удовлетворить такого спроса, при всем желании, не могла. Следует признать, что развитие местной, дальневосточной буржуазии на протяжении полувека происходило под влиянием действия режима порто-франко, что не могло ни наложить отпечатка на ее облик и предопределить специфику ее предпринимательской деятельности. Иначе говоря – дальневосточная буржуазия была компрадорской, а хозяйственно-экономическое развитие региона приобрело выраженный ресурсно-сырьевой уклон. В отличие от «петербургских радетелей» государственных интересов, местная буржуазия осознавала реальное положение дел, а потому, по мере сил сопротивлялась принятию решения об отмене режима порто-франко на Дальнем Востоке. Однако вялые протесты дальневосточных буржуазных кругов не смогли поколебать уверенности в высокой государственной целесообразности предпринимаемых шагов, для укрепления и оправдания которых была сконструирована мифологема об исторической закономерности и неотвратимости демонтажа дальневосточного порто-франко. Обслуживанию, подновлению и эксплуатации этой мифологической конструкции были посвящены усилия нескольких поколений отечественных историков, работавших как на Дальнем Востоке, так и за его пределами.

Подводя итог, следует отметить, что преодоление мифологического видения событий региональной истории Дальнего Востока России и формирование объективного взгляда, основанного на принимающем подходе, может способствовать гармонизации отечественного исторического сознания в эпоху глобализации и налаживанию полноценного диалога между Россией и ее многочисленными соседями в регионе по самым острым и злободневным проблемам прошлого и настоящего.

¹ Залуниин, В.И. Миф в контексте социального конструирования / В.И. Залуниин // Философские исследования. – 2002. - № 3. – С. 163-175.; Андронов, М.А. Мифотворчество и демифологизация в постмодернизме / М.А. Андронов // Философские исследования. – 2003. - № 2. – С. 235-249.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЕ ПРОШЛОГО РУССКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО РАССЕЛЕНИЯ В ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Я.А. Барбенко

старший преподаватель каф. всеобщей
истории, политологии и социологии, ВГУЭС

Проблема крестьянского расселения и связанные с ней вопросы как коренные в условиях изучаемого периода попадают в сферу внимания исследователей практически с самого начала процесса русской колонизации Приамурья. Это позволяет отсчитывать исследовательскую традицию по крайней мере уже с 50-х гг. XIX в. Начиная с этого времени можно выделить три качественно различающихся периода развития историографии проблемы расселения крестьянства на юге Приморской области: 1) **дореволюционный** (середина 50-х гг. XIX в. – начало 20-х гг. XX в.); 2) **советский** (20-е – 80-е гг. XX в.). В рамках советского времени исследований можно выделить три этапа: 1) 20 – 40-х гг., время радикального пересмотра достижений дореволюционной традиции, поиска новых подходов, кризиса исторического знания в связи с гонениями на академическую среду; 2) 50 – 60-х гг., время выработки нового видения истории русской колонизации, свойственного советскому периоду в целом; 3) 70 – 80-х гг., время концентрации исторического поиска на вопросах социально-экономического аспекта переселения; 3) **постсоветский**, или современный (с начала 90-х гг. XX в. по сей день).

Первый период может быть определён как время «стихийных» и универсальных исследований. Стихийность исследования истории крестьянского заселения (и вообще истории Дальнего Востока) на данном этапе определяется и тем, что в процесс были вовлечены не профессиональные историки, и тем, что не существовало никаких программ и планов исследования¹. Отсюда – вторая черта, универсальность: исследованиями занимались как правило свидетели и участники самого процесса заселения и результаты их работы сегодня могут восприниматься и как исследования, и как источники по проблеме. К таким можно отнести сочинения Р. Маака, К. И. Максимовича, Н. М. Пржевальского, А. Ф. Будищева и др.² Данные работы в первую очередь посвящены вопросам географического исследования территорий. Вместе с тем, указанные авторы одними из первых делают обобщения в области крестьянской колонизации. Наибольшей ценностью в

этом отношении обладает работа Н. М. Пржевальского, в которой автор подводит неутешительные первые итоги русской аграрной колонизации Уссурийского края.

Общее значение в рамках первого периода имеют работы Г. Е. Грум-Гржимайло, П. Ф. Унтербергера, Р. М. Ядринцева, И. Надарова, П. Головачёва и других³, посвящённые описанию региона как целостности в разных аспектах его существования, в том числе и вопросам его заселения. Большая роль этих сочинений состоит в панорамности рисуемой картины жизни области, что позволяет дать оценку расселению и колонизации как аспектам жизни Приморья. В частности, в этих работах подводятся итоги колонизационной политики в Приморской области; конкретная оценка этой политики зависит от воззрений авторов, однако все говорят о недостаточности мер, принимаемых правительством и местной властью, для решения проблем русского освоения Дальнего Востока.

Наибольшую ценность представляют работы, специально посвящённые проблемам крестьянства на Дальнем Востоке. К ним относятся сочинения Ф. Ф. Буссе, Н. А. Крюкова, А. А. Риттиха, А. Меньщикова и др.⁴ К отличительным чертам данных работ следует отнести профессиональный интерес авторов к крестьянству, глубокое знание нюансов переселения и расселения, ведь профессиональная деятельность этих лиц заключалась в работе с крестьянами, в решении их проблем, в заботах о благополучии их хозяйств. В силу данного обстоятельства описательная и особенно аналитическая часть работ указанных деятелей обладает высокой степенью глубины и достоверности. До сих пор, на мой взгляд, исследования дальневосточной деревни не вышли за тематические границы, обозначенные трудами упомянутых авторов, что говорит не столько об уровне развития современной исторической науки, сколько о широте и глубине указанных работ. Так, Ф. Ф. Буссе первым даёт периодизацию крестьянского переселения, которая в общих чертах служит до сих пор; Н. А. Крюков, опираясь на условия землепользования крестьян, а также на специфику сознания новых дальневосточников, даёт интерпретацию внутренним перемещениям крестьян по Приморской области; А. Меньщиков выявляет экономические районы, сложившиеся в результате расселения русского крестьянства в разнообразных природных и социальных условиях Приморской области.

Итак, к характерным признакам первого периода в исследовании проблем крестьянского расселения в Приморской области второй половины XIX в. относятся панорамный взгляд на проблему, знание вопросов переселения так сказать «изнутри», формулирование многих положений, имею-

щих объяснительную силу и по сей день. Начальный период историографии изучаемого вопроса по-настоящему уникален, поскольку мы в данном случае имеем дело с практиками переселения, чаще всего это лица высокого административного уровня, имеющие широкий доступ к информации.

Второй период (20-е – 80-е гг. XX в.) развития исследований, посвящённых крестьянскому расселению в изучаемом регионе, связан с переоценкой результатов и достижений уже сложившегося опыта колонизации, а также с разработкой новых аспектов переселения и расселения русского крестьянства на юге Дальнего Востока. Этот период исследований является наиболее сложным, в немалой степени в связи с активным вмешательством политики в исследовательский процесс.

Переоценка хода и итогов колонизации дореволюционного времени характерна главным образом для традиции 20 – 30-х гг. XX в., что связано в основном с политическими и методологическими поисками новой советской историографии. Новация, которая появляется в это время – организация и планирование исследований⁵. Вместе с тем надо отметить, что этот отрезок истории изучения расселения крестьян мог быть гораздо более насыщенным достижениями, если бы крестьянство как объект науки не потеряло приоритет. На предыдущем этапе изучения акцент делался на успехах колонизации (при прагматичном учёте недостатков), но с 20-х годов разворачивается негативная критика царистской практики переселения⁶, постепенно нарастающая в течение 30-х и 40-х годов, заканчиваясь на публицистической ноте⁷.

Однако прежде чем исследования в области расселения и вообще судеб приморского крестьянства в XIX в. сошли на нет в связи с разгромом академической науки на Дальнем Востоке, исследовательская традиция пополнилась несколькими достижениями. Во-первых, это серия трудов А. П. Георгиевского «Русские на Дальнем Востоке», в которой опыт расселения на Дальнем Востоке был переосмыслен с позиций этнических миграций⁸ (что было несвойственно дореволюционным подходам). Кроме того, следует указать на работу В. К. Арсеньева и Е. И. Титова «Быт и характер народностей Дальневосточного края»⁹. В этом сочинении авторы охарактеризовали опыт русской колонизации Дальнего Востока с позиций этнических стереотипов поведения, влияющих на опыт приспособления разных народов к условиям Приморской области. Во-вторых, в связи с текущими задачами колонизации Приморья Л. Чарнецким и другими разрабатывались приёмы прагматического анализа опыта прошлого переселения¹⁰. В-третьих, к данному времени относится, наверное, первая попытка системной исторической, экономической, этнографической, географической интерпретации расселения человека в Приамурье, реализованная В. Арсеньевым в неоднозначно встреченной современниками работе «Колонизационные перспективы Дальнего Востока»¹¹.

Для традиции 50–60-х гг. XX в. можно отметить уникальное для второго этапа обращение к сюжетам переселения и расселения крестьян. Работы К. Ф. Шергиловой, Н. И. Рябова и М. Г. Штейна, С. А. Уродкова, И. И. Бартковой, Н. К. Кольцовой посвящены вопросам переселения и расселения крестьян¹². И. И. Барткова в своих исследованиях делает особый упор на пространственное размещение населения, её перу принадлежит первая в советской историографической традиции периодизация переселенческого движения на Дальний Восток. Дальневосточная проблематика, связанная с крестьянским расселением, в работах В. В. Покшишевского¹³, предвосхитила сочинения И. И. Бартковой. В работах этих географов впервые была проанализирована структура русского расселения на территории Приморской области, хотя предпосылки сделанных выводов можно наблюдать уже у Рябова и Штейна. Было указано на ярусный принцип размещения русского сельского населения Дальнего Востока: приграничные территории заселялись казачеством, а удалённые от границы места подлежали крестьянскому заселению.

Особое место в контексте исследований, связанных с расселением русских крестьян по территории Приморской области занимает творчество Н. К. Кольцовой. Подход, положенный в основу её работы «Переселение крестьян в Уссурийский край накануне первой русской революции»¹⁴, так и не получил развития в рамках советского периода. Упомянутая статья посвящена вопросам переселения и начального устройства крестьян в южной части Приморской области – Уссурийском крае. В частности, были рассмотрены такие сюжеты, как первый опыт политики водворения в области в 50-х – начале 60-х гг. XIX в., законодательное оформление переселения, изменения его в течение второй половины XIX – начала XX вв., география крестьянского расселения, организация землеустроительных работ, организация водворения крестьян, порядок крестьянского землепользования, темпы хозяйственного обустройства крестьян на новых местах. Масштаб статьи не позволил автору полностью раскрыть содержание указанных явлений, однако можно сказать, что Н. К. Кольцова впервые в советской традиции системно подошла к вопросу исследования расселения и водворения русских крестьян в Приморской области. Вместе с тем, необходимо отметить, что этот вопрос неразделимо слит у данного автора с проблематикой переселения, особенно в части нормативов и организации переселения и водворения.

Наконец, переселенческий и колонизационный опыт Дальнего Востока был осмыслен в широком общесибирском контексте в рамках проекта «История Сибири с древнейших времён до наших дней»¹⁵, причём по охвату сюжетов, связанных с переселением, «История Сибири», подготовленная в 60-х гг., шире, чем «История Дальнего Востока», подготовленная в 80-х.

Так, в «Истории Сибири» более определённо прослеживается тематика во- дворения и расселения, прослеживается специфика расселения групп насе- ления в зависимости от времени прибытия на Дальний Восток.

Отрезок 70 – начала 90-х гг., характеризующийся собственным подходом к изу- чению проблемы расселения крестьянства по просторам Приморской области в XIX в. Можно сказать, что исследователи, относящиеся к данному этапу (это в пер- вую очередь Ю. В. Аргудява, Ю. Н. Осипов, О. Н. Сергеев и др.), подхватили знамя Георгиевского в отношении анализа этнических миграций и размещения населения на национальной основе¹⁶. Именно в этот период особо пристальное внимание уде- ляется рассмотрению мест выхода переселенцев, намечается попытка этнического анализа русской колонизации Дальнего Востока. Сходные, но в более широком кон- тексте, задачи решаются авторами монографии «Русские старожилы Сибири»¹⁷. Правда, в главе «Из истории заселения Забайкалья и Дальнего Востока в XIX в.», использован, надо полагать, главным образом забайкальский материал: «Большие партии переселенцев основывали свои селения, а небольшие – приселялись к уже существующим селениям»¹⁸. В Приморской области, а точнее – в Южно Уссурий- ском крае, механизм основания селений был несколько иным: и большие, и малые партии переселенцев вполне могли быть основателями селений¹⁹.

Особое место в ряду исследовательских подходов занимает работа Л. В. Даниловой и Е. Л. Дятел, отличающаяся широтой осмысления ситуации, введением в практику дальневосточных исследований перспективного поня- тия «пионерное освоение»²⁰, которое позволяет с большей точностью видеть специфику разных периодов истории русского Дальнего Востока. К традиции изучения крестьянской колонизации можно отнести и историко- географические исследования, посвящённые вопросам изменения природы в исторический период, в том числе и под влиянием человека и зависимости расселения от природных и иных условий²¹. Необходимо отметить разработки А. А. Степанько, связанные с анализом освоения земель в связи с их сельско- хозяйственными возможностями²². Эти интересные исследования призваны прочно «привязать к земле» расселение крестьян – анализ расселения здесь произведён в рамках анализа почвенных условий Приморского края.

Особое место в рамках изучаемого отрезка истории крестьянских исследова- ний занимает научное творчество В. М. Кабузана, вскрывающее многие аспекты переселения и расселения на Дальнем Востоке²³. В своих работах автор приводит серьёзный объём исходных данных, объективно характеризующих описываемые им процессы. «Дальневосточный край» В. М. Кабузана включает в себя наиболее

полный из всех известных автору список крестьянских селений, основанных в XIX в., чего, правда, нельзя сказать о селениях XX в.

На последний отрезок обсуждаемого периода приходится выход нескольких заметных изданий, подводящих своеобразную черту под вторым периодом изучения проблемы крестьянского расселения. В первую очередь это обобщающая работа «Крестьянство Сибири в эпоху капитализма»²⁴. В рамках этого издания была сделана попытка обобщения опыта исследования истории сибирского, и в том числе дальневосточного, крестьянства. Как исследование вопросов расселения и водворения данное издание заметно уступает «Истории Сибири», обращая внимание читателя только на смежные проблемы переселения. Основное же внимание уделяется вопросам формирования капиталистических отношений в сибирской деревне. Принципиальным для дальневосточной исторической науки в целом было издание коллективного труда «Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX – XX вв.» и второго тома «Истории Дальнего Востока СССР»²⁵. Материалы данных работ, посвящённые изучаемому вопросу, воплощают собой все достоинства и недостатки своего времени, суть которых заключается в подробной разработке вопросов социально-экономического развития в ущерб другим сферам жизни крестьян. В частности, обращая особое внимание на переселение, авторы указанных сочинений не видят проблемы водворения в качестве самостоятельных и значимых вопросов.

Как видно, тематика исследований, связанных с изучением процесса расселения крестьян по Приморской области второй половины XIX в., на протяжении второго периода чувствительно изменялась, что, вероятно, связано с ситуацией общей историографической доктрины данного периода. В 60-е гг. «основные силы» историков Дальнего Востока были «брошены» на изучение партийной истории²⁶. На 70-е гг. приходится рост интереса к проблематике русского освоения Дальнего Востока²⁷, но, к сожалению, понятие «первоначального заселения», существовавшее для древнейшей истории, не использовалось для описания присутствия русских на крайнем востоке Евразии в XIX в.²⁸, что и сказалось на специфике исследовательского подхода.

Третий период развития исследований крестьянского расселения на юге Приморской области в XIX в. начинается со времени либерализации общественной мысли нашей страны, в начале 90-х гг. XX в., что сопровождалось ликвидацией управления развитием исторической науки; таким образом, для последней открылась перспектива тематически свободного, широкого развития, что и было реализовано уже в 90-х гг. Так, расширяется круг исследователей, занимающихся вопросами переселения и расселения²⁹, выде-

ляется в особую отрасль изучение политики, связанной с переселением и устройством новосёл на местах³⁰, ставится вопрос о самом понятии крестьянской колонизации³¹. В рамках демографических исследований формулируется представление о начальном периоде заселения³², часть которого приходится на изучаемый период, проясняется его природа, указывается его место в череде макроэтапов русского заселения Дальнего Востока.

Одновременно с новыми кадрами продолжают работать представители старой школы, в рамках которой можно наметить: а) традиционное направление, представленное исследованиями Ю. Н. Осипова, М. С. Сергейко³³, работы которых посвящены проблематике социально-экономического развития, становления и развития капиталистических отношений в деревне; б) развивающееся – работами Ю. В. Аргудяевой, Л. Е. Фетисовой и др.³⁴ Последние открыли в современной историографии крестьянства на Дальнем Востоке новое направление – адаптация переселяющегося крестьянства к непривычным природным и социокультурным условиям³⁵. Как таковая эта проблема не нова, однако в советское время ей уделялось исключительно мало внимания, это позволяет сегодня говорить о своеобразном прорыве в данном вопросе. Преемственность с традициями прошлых исследований заключается в отслеживании этнического характера адаптации, внимании к символическим аспектам приспособления к территории и приспособления самой территории к образу, имеющемуся в сознании переселенцев.

В ряду крестьяноведческих работ последних лет особое место занимает сочинение В. Г. Тюкавкина «Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа»³⁶. Как целое работа посвящена положению крестьянства России и вопросам переселения в столыпинское время, тем не менее автор использует материалы, отчасти относящиеся и к XIX веку. Специфической чертой данного исследования является то, что автор выделяет в качестве объектов, достойных особого рассмотрения такие аспекты переселения, как водворение переселенцев по районам, устройство переселенцев на местах поселения (глава IV, «Переселение за Урал»). В приложение к дальневосточному материалу В. Г. Тюкавкин впервые с 20-х гг. для обозначения одной из фаз переселения использует термин «водворение», принятый в русской исследовательской традиции досоветского времени и немарксистской традиции раннего советского времени.

Активно развивается краеведческое направление исследований крестьянского переселения и расселения³⁷. В целом многим из этих работ не хватает исследовательской самостоятельности. Среди краеведческих сочинений особо следует выделить детальную работу Ю. Тарасова, посвящённую

истории города Артёма и тех селений, из которых он вырос. Однако и этому сочинению присущи особенности существующей исследовательской традиции в области истории крестьянства: автор, представляя данные о вселении в целом, не останавливается на водворении как таковом.

Продолжает развиваться географическое направление исследований, посвящённых переселениям на Дальний Восток³⁸. Авторы этого направления не останавливаются собственно на крестьянстве, однако результаты их исследований вполне органично могут быть вписаны в общий контекст исторических исследований проблем крестьянского расселения на юге Приморской области второй половины XIX в. В работах авторов данного направления разрабатываются вопросы устройства пространства и специфики природных условий в контексте исторического процесса, а также возможностей взаимодействия среды и общества на Дальнем Востоке.

Итак, текущий период развития исследований крестьянского расселения на Дальнем Востоке представляет собой большой спектр подходов, очерчивает более широкий круг научных работников, чем предыдущий период. Кроме того, тематическая свобода, наличествующая на данном этапе, позволяет сравнивать его с первым, дореволюционным. Однако существенная разница заключается в том, что универсальность первого периода была внутренней, так сказать структурной — широта охвата в XIX в. и несколько позже проистекала из того, что исследованиями занимались свидетели и участники описываемых событий. Универсальность же третьего периода не более чем тематическая — исследователи вольны выбирать любую тему, но их взгляд на прошлое будет ограничен тем набором источников, который они имеют в наличии.

Первый период историографии рассматриваемой проблемы ознаменован постановкой вопроса о расселении. Вместе с тем, обобщения этого времени неглубоки, авторы касаются в основном общих вопросов расселения: ареал, плотность, порядок заполнения территорий, причины этого. Кроме того, именно первый период закладывает фактологическую основу, не исчерпанную до сих пор. Второй период исследований не реализовал свой потенциал в силу отмеченных выше причин, однако достижения его несомненны — в работах Н. К. Кольцовой и И. И. Бартковой произошёл переход на новый уровень исследований: от простых описаний и очевидных обобщений к попыткам построения многомерного видения картины расселения и водворения. Однако традиция рассмотрения крестьянского расселения как специфического предмета на данном этапе не закрепились. Третий период изучения рассматриваемой проблемы получает «в наследство» от предыдущего непроблематизированность вопроса расселения и водворения крестьян, исследования этого времени не выходят за рамки, заданные ещё в дореволюционное время.

Обращаясь в целом к истории исследований русской крестьянской колонизации Приморской области во второй половине XIX в., можно сделать ряд заключений. Первое: эта история была очень сложной, в разные периоды над ней довлели далёкие друг от друга подходы, что проявилось в неравномерной изученности разных вопросов и проблем истории приморского крестьянства. Второе: особым вниманием исследователей пользовались такие основополагающие темы, как крестьянское переселение на Дальний Восток и в Приморскую область в частности, управление переселением; становление сельского хозяйства на новоосваиваемых землях; социальная дифференциация в среде переселенцев, её влияние на социальное и экономическое развитие приморской деревни; хозяйственная и социально-психологическая адаптация русских переселенцев, главным образом крестьян, к неродным местам и новым условиям быта и труда. С традиционной точки зрения эти сюжеты полно и последовательно описывают прошлое крестьянского Приморья, однако можно указать на аспект расселения и водворения, являющиеся подлинным связующим звеном, лежащим между указанными сюжетами. Именно расселение и водворение служат переходным этапом между переселением и хозяйственной жизнью, на этом этапе закладываются направления адаптации к природной и социальной среде. Третье заключение: тема расселения, несмотря на то, что она так или иначе находилась в поле зрения исследователей на протяжении всего периода изучения, как таковая до сих пор остаётся нераскрытой.

1 Это характерная черта развития исторического знания как такового. См.: Ермакова Э. В. Становление исторической науки на Дальнем Востоке / Э. В. Ермакова // Арсеньевские чтения, VI. – Уссурийск: б. и., 1992. С. 9.

2 Маак Р. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества, в 1855 году / Р. К. Маак. – СПб.: б. и., 1859; Путешествие по долине реки Усури. Совершил, по поручению Сибирского отдела Императорского русского географического общества, Р. Маак. Том 1 / Р. К. Маак. – СПб.: б. и., 1861; Максимович К. И. Амурский край. Из ботанического сочинения К. И. Максимовича / К. И. Максимович. – СПб.: б. и., 1862; Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. 1867 – 1869 гг. / Н. М. Пржевальский. – Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1990. – 336 с.; Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Том V. Леса Приамурского края. Вып. 1. Описание лесов Приморской области / А. Ф. Будищев. – Хабаровск: б. и., 1893.

3 Носков И. Амурский край в коммерческом, промышленном и хозяйственном отношении / И. Носков. – СПб.: б. и., 1865; Грум-Гржимайло Г. Е. Описание Амурской области / Г. Е. Грум-Гржимайло. – СПб.: б. и., 1894; Унтербергер П. Ф. Приморская область. 1858 – 1898 гг. / П. Ф. Унтербергер. – СПб.: б. и., 1900; Ядринцев Р. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении / Р. М. Ядринцев. – СПб.: издание И. М. Сибирякова, 1892; Надаров И. Очерк современного состояния Северо-Уссурийского края / И. Надаров. – Владивосток: б. и., 1884; Краткий очерк занятия Амурского края и развития боевых сил Приамурского военного округа / подп. Ген. штаба Рагоза — Хабаровка: б. и., 1891; Головачёв П. Россия на Дальнем Востоке / П. Головачёв. – СПб.: Издание Е. Д. Кусковой, 1904; Сибирское переселение (Дальний Восток). Переселение в Амурскую область и Уссурийский край / П. Архипов. — Хабаровск: Газета «Свободное слово», 1906.

- 4 Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае / Ф. Ф. Буссе. // Библиотека для чтения. – 1869. – Т. VIII – XII; Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883 – 1893 годах / Ф. Ф. Буссе. – СПб.: б. и., 1889; Крюков Н. А. Очерки сельского хозяйства в Приморской области / Н. А. Крюков. – СПб.: б. и., 1893; Крюков Н. А. Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей / Н. А. Крюков. – М.: б. и., 1896; Комаров В. А. Условия дальнейшей колонизации Амура / В. А. Комаров // Известия ИРГО, 1896. Т. 32. Вып. 6; Надаров Ив. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край / И. Надаров // Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Т. IV, вып. IV — Хабаровск: б. и., 1894. С. 39 — 71; Ритгих А. А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае / А. А. Ритгих. – СПб.: б. и., 1899; Сильницкий А. Культурное влияние Уссурийской железной дороги на Южно-Уссурийский край / А. Сильницкий – Хабаровск: б. и., 1901; Отчет М. А. Никольского о командировке в Приморскую область / М. А. Никольский. — Полтава: б. и., 1907; Крапоткин Л. А. К вопросу об экономическом положении крестьян в Южно-Уссурийском крае / Л. А. Крапоткин // Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Т. VII. Вып. I. — Б. м., б. и., 1908. — С. 27 — 32; Меньщиков А. Очерк заселения низового Амура / А. Меньщиков // Журнал предварительного междоуведомственного совещания по вопросу о мерах, которые должны быть приняты для колонизации низовьев Амура. На правах рукописи. – Б. м., б. и., б. г.; Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятильники. Том III(тексты). Составил А. Меньщиков. Под ред. А. А. Тагищева. / А. Меньщиков. Саратов: б. и., 1912; Колонизационное значение земледелия в Приамурье. Сост. С. П. Шликевич (Труды Амурской экспедиции. Выпуск IV)/ С. П. Шликевич. – СПб.: б. и., 1911.
- 5 См.: Матвеев З. Новая литература по истории Приморья (1917 – 1927 гг.) / З. Н. Матвеев // Записки Владивостокского отдела Государственного Русского Географического Общества (Общества изучения Амурского края). Том I(XVIII). – Владивосток: Владив. отд. Гос. РГО, 1928. С. 74 – 84.
- 6 Матвеев З. Н. История Дальневосточного края / З. Н. Матвеев. – Владивосток: Владив. отд. ГосРГО, 1929. С. 372.
- 7 Матвеев З. Н. Историографический и библиографический обзор состояния исторической науки в ДВК за 1922 – 1932 гг. / З. Н. Матвеев // Вестник Дальневосточного отделения Академии наук СССР. – 1932. – №1 – 2. С. 43 – 46; Советское Приморье. Сборник. – Владивосток: Дальгиз, 1940.
- 8 Георгиевский А. П. Русские на Дальнем Востоке. Заселение Дальнего Востока. Говоры. Творчество. Вып. 1. Заселение русскими Дальнего Востока, их современное распределение (в связи с говорами) / А. П. Георгиевский // Труды Дальневосточного Государственного университета. Серия III. №3. – Владивосток: ДГУ, 1926; Георгиевский А. П. Расселение русских на Дальнем Востоке / А. П. Георгиевский // Производительные силы Дальнего Востока. Вып. 5. Человек. — Хабаровск — Владивосток: Книжное дело, 1927. — С. 55 — 58.
- 9 Арсеньев В. К. Быт и характер народностей Дальневосточного края / В. К. Арсеньев, Е. И. Титов. – Хабаровск – Владивосток: Книжное дело, 1928.
- 10 Чарнецкий Л. Методы и итоги прошлой колонизации Приморья и ближайшие колонизационные мероприятия в будущем / Л. Чарнецкий // Советское Приморье. – 1925. – №3. С. 10 – 36; Чарнецкий Л. Ближайшие колонизационные задачи в Приморье / Л. Чарнецкий // Советское Приморье. – 1925. – №4. С. 83 – 111; Целищев М. М. Экономические очерки Дальнего Востока / М. М. Целищев. – Владивосток: Книжное дело, 1925; Ярмош А. М. Факторы, определяющие характер и размер переселенческого хозяйства / А. М. Ярмош // Производительные силы Дальнего Востока. Вып. 5. Человек. — Хабаровск — Владивосток: Книжное дело, 1927. — С. 44 — 54.
- 11 Арсеньев В. К. Колонизационные перспективы Дальнего Востока / В. К. Арсеньев // Производительные силы Дальнего Востока. Вып. 5. Человек. — Хабаровск — Владивосток: Книжное дело, 1927. — С. 33 — 43.
- 12 Шергилова К. Ф. Начало заселения Дальнего Востока в конце 50-х и начале 60-х гг. XIX в. / К. Ф. Шергилова // Ученые записки Хабаровского государственного педагогического института. — Т. 1. — Хабаровск: Изд-во ХГПИ, 1956. — С. 17 — 34; Рябов Н. И. Очерки истории русского Дальнего Востока. XVII – начало XX века./ Н. И. Рябов, М. Г. Штейн – Хабаровск: Хабаровск. кн. изд-во, 1958; Уродков С. А. Переселение крестьян в Южно-Уссурийский край в 1883 – 1893 годах / С. А. Уродков. // Из истории СССР (эпоха феодализма и капитализма). Учёные записки Ленингр. гос. ун-та. №270. Серия исторических наук. Вып. 32. – Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1959. С. 182 – 200; Кабанов П. И. Амурский вопрос / П. И. Кабанов. — Благовещенск: Амурское книжное издательство, 1959; Кольцова Н. К. К столетию заселения Приморья (способы передвижения крестьян-переселенцев, их устройство во Владивостоке) / Н. К. Кольцова. // Дальневосточный Государственный университет. Учёные записки. Вып. 3.

- Серия общественно-политических наук. – Владивосток: Прим. кн. изд-во, 1961. С. 149 – 155; Барткова И. И. Формирование сельских поселений Приморья (1858 – 1917 гг.) / И. И. Барткова. // Записки Приморского филиала Географического общества СССР. Т. XXV. – Владивосток: ДВКИ, 1966. С. 63 – 70; Барткова И. И. Изучение и картографирование сельского расселения в Приморском крае / И. И. Барткова. // Материалы второй научно-методической конференции. – Владивосток: ДВГУ, 1966. С. 170 – 174; Барткова И. И. География сельского населения и поселений Приморского края. Автореферат... / И. И. Барткова. – Иркутск, 1967. и др.
- 13 Покшишевский В. В. Заселение Сибири / В. В. Покшишевский. – М., 1951; Покшишевский В. В. К географии дооктябрьских колонизационно-миграционных процессов в южной части Дальнего Востока / В. В. Покшишевский // Сибирский географический сборник. Вып. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1966. С. 85 – 95.
- 14 Кольцова Н. К. Переселение крестьян в Уссурийский край накануне первой русской революции / Н. К. Кольцова // Из истории революционного движения на Дальнем Востоке в годы первой русской революции. – Владивосток: Приморское книжное издательство, 1956. С. 127 – 147.
- 15 История Сибири с древнейших времён до наших дней. В пяти томах. Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма. – Л.: Наука, 1968.
- 16 Аргудяева Ю. В. К вопросу об истории заселения Приморья славянами (60-е годы XIX в. – начало XX в.) / Ю. В. Аргудяева // История и культура народов Дальнего Востока. – Южно-Сахалинск, 1973. С. 258 – 265; Аргудяева Ю. В. К вопросу об этнической истории населения Артемовской долины Приморского края (80-е годы XIX в. – 70-е годы XX века) / Ю. В. Аргудяева // Этнография и фольклор народов Дальнего Востока СССР. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1981. С. 60 – 66; Осипов Ю. Н. Колонизационно-переселенческая политика царизма на Дальнем Востоке в эпоху капитализма. Историография проблемы / Ю. Н. Осипов // Проблемы истории Дальнего Востока СССР (XVII – XX вв.) в отечественной литературе: Материалы XIII дальневосточной научной конференции по проблемам отечественной и зарубежной историографии. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986. С. 172 – 181; Осипов Ю. Н. Переселенческое движение на Дальний Восток во второй половине XIX в. / Ю. Н. Осипов // Социально-экономическое развитие дальневосточной деревни (дореволюционный период). – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1982. С. 38–50; Осипов Ю. Н. Социально-экономическое развитие дальневосточной деревни во второй половине XIX в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Ю. Н. Осипов. – Владивосток, 1982; Якименко Н. А. Переселение крестьян на Дальний Восток в конце XIX – начале XX в. (на примере выходцев с Украины) / Н. А. Якименко. // Хозяйственное освоение русского Дальнего Востока в эпоху капитализма. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. С. 81 – 98; Мелешенко С. А. Русские буржуазные общественно-политические журналы – источник по истории переселения крестьян на Дальний Восток (1880 – 1905 гг.) / С. А. Мелешенко. // Вопросы истории и культуры народов Дальнего Востока. Научные доклады аспирантов. Вып. II. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1974. С. 77 – 87.
- 17 Русские старожилы Сибири. Историко-антропологический очерк / Отв. ред. В. В. Бунак, И. М. Золотарева. – М.: Наука, 1973.
- 18 Там же. С. 61.
- 19 Барбенко Я. А. Политика местной администрации относительно водворения русского крестьянства в Приморской области во второй половине XIX в. / Я. А. Барбенко // Власть и управление на Востоке России. – 2008. – №1 (42). – С. 79 – 87. С. 84.
- 20 Данилова Л. В. Экологические условия и особенности пионерного освоения русскими Дальнего Востока / Л. В. Данилова, Е. П. Дятел. // Взаимодействие общества и природы в процессе общественной эволюции. – М.: Моск. филиал ГО, 1981. С. 131 – 149. Понятие «пионерное освоение» подробно раскрывается в работе: Космачев К. П. Пионерное освоение тайги (экономико-географические проблемы) / К. П. Космачев. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1974.
- 21 Рянский Ф. Н. Козэволюция ландшафтов и общества в Приамурье за историческое время / Ф. Н. Рянский // Вторые чтения имени Г. И. Невельского. Проблемы организации районов нового освоения (тезисы докладов). Сб. 2. — Хабаровск: б. и., 1990. — С. 3 — 6; Козыренко Н. Е. Динамика исторического расселения / Н. Е. Козыренко // Там же. — С. 13 — 16; Лучкова В. И. Проблемы формирования национальных ландшафтов на советском Дальнем Востоке / В. И. Лучкова // Там же. — С. 32 — 33.
- 22 Степанько А. А. Анализ сельскохозяйственного освоения земельных ресурсов с учётом их качества / А. А. Степанько. // Рациональное природопользование и охрана земельных ресурсов Дальнего Востока. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1980. С. 66 – 71. Степанько А. А. Агрогеографическая оценка зе-

мельных ресурсов и их использование в районах Дальнего Востока / А. А. Степанько. – Владивосток: ДВО РАН, 1992.

23 Кабузан В. М. Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII – начало XX вв.) / В. М. Кабузан. – Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1973; Кабузан В. М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII — начале XX века (1795 — 1917 гг.) / В. М. Кабузан // История СССР — 1979. — №3. — С. 22 — 38; Кабузан В. М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640 – 1917). Историко-демографический очерк / В. М. Кабузан. – М.: Наука, 1985.

24 Крестьянство Сибири в эпоху капитализма / Отв. ред. Л. М. Горюшкин. – Новосибирск. Сиб. отделение, 1983.

25 Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX – XX вв.: Очерки истории / Под общ. ред. акад. А. И. Крушанова. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1991. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII – 1917 гг.). – М.: Наука, 1990.

26 Черных А. Г. О работе исторических кафедр Дальневосточного университета / А. Г. Черных, В. Н. Кутик. // Вопросы истории. – 1962. – №8. С. 125 – 127. Крушанов А. И. Исследование проблем истории советского Дальнего Востока / А. И. Крушанов. // История СССР. – 1967. – №4. С. 208 – 214.

27 Крушанов А. И. Об организации исторических исследований на Дальнем Востоке / А. И. Крушанов. // Вопросы истории. – 1975. – №8. С. 20 – 30; Крушанов А. И. Основные направления исторических исследований советских учёных-дальневосточников / А. И. Крушанов. // Проблемы Дальнего Востока. – 1976. – №4. С. 96 – 111.

28 Крушанов А. И. XXIV съезд КПСС и проблемы истории Дальнего Востока / А. И. Крушанов. – Южно-Сахалинск: Сахалинское отделение ДВКИ, 1973. С. 67, 69.

29 Рыкунова Г. А. Из истории заселения юга Дальнего Востока в 50 – 60-е гг. XIX в. / Г. А. Рыкунова // Исторический опыт освоения восточных районов России. Вып. 3. – Владивосток: ИИАЭНДВ, 1993. С. 41 – 43; Гусельникова Т. Н. Характерные черты и особенности колонизации Северного Приморья в конце XIX в. / Т. Н. Гусельникова, О. В. Кучук, В. В. Совастеев // Там же. С. 49 – 52; Лобанов В. Ф. Внутренние миграции у крестьян-старообрядцев Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. / В. Ф. Лобанов // Миграционные процессы в Восточной Азии. – Владивосток: ДВО РАН, 1994. С. 51 – 53; Каменщикова Е. Н. Переселенческая политика правительства в Нижнем Приамурье в 50-е — 60-е гг. XIX вв. / Е. Н. Каменщикова // Российское Приамурье: история и современность. Материалы научного семинара, посвященного 350-летию похода Е. П. Хабарова. — Хабаровск: б. и., 1999. — С. 66 — 71; Кобко В. В. Старообрядцы Приморья: история, традиции (сер. XIX в. – 30-е гг. XX в.) / В. В. Кобко. – Владивосток: Прим. Гос. Объед. музеев им. Арсеньева, 2004.

30 Иконникова Т. Я. Особенности организации переселенческого движения на российский Дальний Восток в начале XX в. / Т. Я. Иконникова // Исторический опыт освоения восточных районов России. Вып. 3. – Владивосток: ИИАЭНДВ, 1993. С. 52 – 54; Иконникова Т. Я. Переселенческое движение на Дальний Восток (вторая половина XIX — начало XX вв.) / Т. Я. Иконникова // Очерки истории родного края / Отв. ред. Иконникова Т. Я. — Хабаровск: б. и., 1993. — С. 75 — 91; Краснова Л. И. О некоторых проблемах переселенческой политики (Из истории освоения и заселения российского Дальнего Востока в конце XIX – начале XX вв.) / Л. И. Краснова // Историко-культурное и природное наследие Дальнего Востока на рубеже веков. – Хабаровск: Изд-во «Частная коллекция», 1999. С. 120 – 121; Федирко О. П. Колонизационная политика на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX вв. / О. П. Федирко // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времён до начала XX века). – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. С. 325 – 328; Булавко А. М. Правовая деятельность царской администрации по заселению дальневосточного края казаками и крестьянами (1860 — 1917 гг.) / А. М. Булавко // Историческая наука и проблемы современного образования. Сб. науч. статей. — Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 2004. — 216 с. С. 43 — 45.

31 Барбенко Я. А. О понятии крестьянской колонизации на примере освоения юга Приморской области во второй половине XIX в. / Я. А. Барбенко // Восьмая Дальневосточная конференция молодых историков: Сборник материалов. – Владивосток: ДВО РАН, 2004. С. 40 – 44.

32 Сидоркина З. И. Демографические процессы и демографическая политика на российском Дальнем Востоке / З. И. Сидоркина. – Владивосток: Дальнаука, 1997. Проблемы населения Дальнего Востока. – Владивосток: Дальнаука, 2004.

33 Осипов Ю. Н. Земельный вопрос на Дальнем Востоке России в период капитализма / Ю. Н. Осипов // Известия РГИА ДВ: Сборник трудов. Том VI. – Владивосток: РГИА ДВ, «Комсомолка ДВ», 2002. С. 67 – 91; Осипов Ю. Н. Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России в 1855 – 1917 гг.: постановка проблемы. // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времён до начала XX века) / Ю. Н. Осипов. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. С. 230– 235; Осипов Ю. Н. Крестьяне-старожилы

Дальнего Востока России 1855 — 1917 гг. / Ю. Н. Осипов. — Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. — 196 с.; Сергейко М. С. Хозяйственное освоение дальневосточных земель населением России в эпоху капитализма (1861 — 1917 гг.). Краткий очерк / М. С. Сергейко. — Уссурийск: Приморская государственная сельскохозяйственная академия, 1997.

34 Аргудяева Ю. В. Формирование и расселение восточнославянских народов Приамурья и Приморья / Ю. В. Аргудяева // Съезд сведущих людей Дальнего Востока. Материалы научно-практической историко-краеведческой конференции, посвященной 100-летию Хабаровского краеведческого музея. 17 — 18 мая 1994 года. — Т. 2. — Хабаровск: б. и., 1994. — С. 101 — 104; Аргудяева Ю. В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX в. — начало XX в.) / Ю. В. Аргудяева. — М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997; Аргудяева Ю. В. Переселение русских крестьян в Приамурье (50– 60-е годы XIX в.) / Ю. В. Аргудяева // Первые Муравьевские чтения. — Владивосток: б. и., 1999. С. 34 — 37; Аргудяева Ю. В. Этническая и этнокультурная история русских на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX в.). Кн. 1. Крестьяне / Ю. В. Аргудяева. — Владивосток: ДВО РАН, 2006; Фетисова Л. Е. Русский народ и русская культура на восточной окраине страны / Л. Е. Фетисова // Вестник ДВО РАН. — 1995. — №6. С. 6 — 11; Фетисова Л. Е. Традиционный восточнославянский фольклор на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX в.): адаптационный аспект / Л. Е. Фетисова, Г. Г. Ермак, М. Б. Сердюк. — Владивосток: Дальнаука, 2004.

35 Фетисова Л. Е. Особенности региональной культуры восточнославянского населения Приамурья и Приморья / Л. Е. Фетисова // Съезд сведущих людей Дальнего Востока. Материалы научно-практической историко-краеведческой конференции, посвященной 100-летию Хабаровского краеведческого музея. 17 — 18 мая 1994 года. — Т. 1. — Хабаровск: б. и., 1994. — С. 114 — 116; Фетисова Л. Е. Хозяйственная и культурная адаптация восточных славян на юге Дальнего Востока / Л. Е. Фетисова // Этнос и природная среда. — Владивосток: Дальнаука, 1997. С. 87 — 104; Роль профессиональных групп русских в освоении Дальнего Востока / Ю. В. Аргудяева // Российское Приамурье: история и современность. Материалы докладов научного семинара, посвященные 350-летию похода Е. П. Хабарова. — Хабаровск: б. и., 1999. С. 57 — 61; Аргудяева Ю. В. Хозяйственная адаптация старообрядцев в Приморье / Ю. В. Аргудяева // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в.: Сб. научн. ст. — Владивосток: ДВО РАН, 2000. С. 8 — 26.

36 Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа / В. Г. Тюкавкин. — М.: Памятники исторической мысли, 2001. — 403 с.

37 Бачурин А. М. Паспорт исторического свидетельства села Чкаловское муниципального образования Спасский район / А. М. Бачурин. — Спасск-Дальний: Общество изучения Амурского края, 2003; Леонов Н. На край света за счастьем. Переселение в Южно-Уссурийский край / Н. Леонов. — Уссурийск: КГУП «Типография №3», 2004; Сакмаров С. А. Вольно-Надеждинское. Страницы истории / С. А. Сакмаров. — Владивосток: Общество изучения Амурского края, 1999; Тарасов Ю. Артем на заре своей истории: факты против легенд. Из цикла «Предьстория Артема: 1860 — 1938 гг.» / Ю. Тарасов. — Владивосток: б. и., 2006; Усатая Д. В. В глубь веков. История Южного Приморья / Д. В. Усатая, С. В. Кабелев, И. А. Сакай, Р. А. Подобедов. — Находка: Лит. клуб «Элегия», «Печатный дом», 2005.

38 Садовский А. И. Факты геодетерминизма в распространении славянской экспансии на восточной окраине Евразии и возможное их использование для организации многостороннего международного азиатско-тихоокеанского сотрудничества на фундаментальной геоэкологической основе / А. И. Садовский // Исторический опыт освоения восточных районов России. Книга II. — Владивосток: ИИАЭНДВ, 1993. С. 9 — 11; Буровский А. Приморье как месторазвитие / А. Буровский // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. — Владивосток: ИИАЭНДВ, 1997. С. 228 — 233; Гапонов В. Новый взгляд на историю / В. Гапонов // Россия и АТР. — 1999. — №4. С. — 13; Сухомлинов Н. Р. Этапы колонизации Дальнего Востока / Н. Р. Сухомлинов // Российское Приамурье: история и современность. Материалы научного семинара, посвященного 350-летию похода Е. П. Хабарова. — Хабаровск: б. и., 1999. — С. 54 — 56.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДОКУМЕНТЫ И СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

№ 1

СЕНАТСКИЙ УКАЗ О РАЗРЕШЕНИИ НА КАМЧАТКЕ ЗАГРАНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ. 27 АВГУСТА 1828 Г.

Правительствующий Сенат слушали рапорт г. Министра финансов, что по рассмотрении в Сибирском комитете некоторых предположений Начальника Камчатки, об устройстве сего края и, между прочим, о разрешении там иностранной торговли, государю императору угодно было собственноручною на журнале Комитета высочайшею резолюциею 24 января сего года повелеть: «Торговлю заграничную разрешить на 10 лет». Получив к исполнению сию выписку из журнала Сибирского комитета, он, г. министр финансов, входил с представлением в Государственный совет, полагая с своей стороны разрешить в Камчатке заграничную торговлю согласно Высочайшей воле на следующем основании: 1) Дозволить привоз в Камчатку всех иностранных товаров, кроме чаю, рома, водок и др. крепких напитков, без пошлин. 2) Привоз всяких крепких напитков запрещается для продажи жителям, но морские офицеры и др. чиновники могут снабжать себя оными беспошлинно для собственноручного употребления с разрешения, однако же, Начальника Камчатки, который наблюдает за точным сего исполнением. 3) Отпуск из Камчатки за границу всех вообще товаров дозволить так же без пошлин, кроме монеты всякой российского чекана, так же российских банковских ассигнаций, вывоз коих запрещается. 4) Наблюдение, чтобы не привозились в Камчатку и не отпускались из оной за границу запрещенные товары, возложить на непосредственную ответственность Начальника Камчатки, коему поставить в обязанность по прибытии каждого корабля представлять министру финансов подробную ведомость с показанием: какой нации и откуда оный корабль прибыл, имя шхипера, какие привезены товары и кому оные принадлежат, равно как и о тех, кои отпущены будут из Камчатки за границу. Сверх сего Начальник Камчатки обязан во всех случаях быть посредником в делах, относящихся до облегчения коммерческих оборотов между тамошними жителями и иностранцами.

Государственный совет в департаменте государственной экономии, рассмотрев означенное представление о дозволении иностранной торговли на Камчатке и находя предположение его, г. министра финансов, основательным, полагал оное утвердить; а в 6 день текущего августа мнение сие Государственного совета удостоено высочайшего утверждения. Донося о сем Правительствующему сенату, он, г. министр финансов, просит о приказании обнародовать помянутое высочайше утвержденное положение для всеобщего сведения.

Приказали: об означенном высочайше утвержденном его императорским величеством мнении Государственного совета для надлежащего сведения и повсеместного обнародования во все губернские и областные правления и правительства, равно и к градоначальникам послать указы, каковыми дать знать всем присутственным местам, гг. министрам, исправляющему должность Государственного контролера, военным генерал-губернаторам, военным губернаторам, управляющим гражданской частью и генерал-губернаторам; и в святейший Правительствующий синод, во все департаменты Правительствующего сената и в общие оных собрания сообщить ведения».

ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 3. 1828. СПб., 1830. № 2253.

№ 2

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СИБИРСКОГО КОМИТЕТА О РАСПРОСТРАНЕНИИ НА ВСЕ ВООБЩЕ ПОРТЫ ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ДАРОВАННОГО ПРИАМУРСКОМУ КРАЮ ПРАВА СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ ИНОСТРАННЫМИ ТОВАРАМИ.

22 ДЕКАБРЯ 1860 Г.

(ИЗВЛЕЧЕНИЕ)

Слушаны: отношение генерал-губернатора Восточной Сибири от 16 августа о распространении на все вообще порты Приморской области Восточной Сибири дарованного Приамурскому краю права свободной торговли иностранными товарами, и заключение по сему предмету министров иностранных дел и финансов, изложенное в отношениях: первого – от 4 октября, и второго – от 9 ноября.

Комитет, соглашаясь с заключением министров иностранных дел и финансов, положил оное утвердить.

Отношение генерал-губернатора Восточной Сибири к члену Сибирского комитета, управляющему делами оного, от 16 августа 1860 г.

Положениями Амурского комитета, высочайше утвержденными 1 ноября 1856 г. и 4 ноября 1857 г., разрешена беспошлинная, свободная иностранная торговля в портах Приамурского края, на устьях Амура и вверх по реке, а затем по журналу Сибирского комитета, высочайше утвержденному 8 декабря 1858 г...., положено: иностранную торговлю в Приамурском крае оставить на прежних основаниях.

Ныне, с постепенным занятием южного берега Японского моря до Кореи и распространением поселений наших по Уссури, для упрочения этих поселений, а равно и для большего обеспечения потребностей жителей Охотска и Петропавловска, является настоятельная нужда в том, чтобы дарованные Приамурскому краю права свободной иностранной торговли распространены были и на все вообще порты Приморской области.

А потому и принимая притом во внимание соображение, что по неимению удобных сообщений означенных портов даже и с внутренними областями Сибири, распространение на них прав свободной иностранной торговли не может причинить ни в каком случае ущерба для таможенных сборов, я имею честь передать об изложенном здесь вашему высокопревосходительству и покорнейше просить ввести настоящее обстоятельство на рассмотрение Сибирского комитета.

*Дальний Восток России в материалах законодательства. 1856-1861 гг.
Владивосток, 2002. С. 193-194.*

№ 3

**ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
СИБИРСКОГО КОМИТЕТА «О РАЗРЕШЕНИИ
ПРОИЗВОДСТВА БЕСПОШЛИННОЙ ТОРГОВЛИ
ИНОСТРАННЫМИ ТОВАРАМИ В ПОРТАХ ВОСТОЧНОГО
ОКЕАНА: ДУЭ, КОСУНАЕ, ДЕ-КАСТРИ, ВЛАДИВОСТОКЕ И
ГАВАНЯХ СВ. ОЛЬГИ И НОВГОРОДСКОЙ».
25 ДЕКАБРЯ 1862 Г.**

Слушаны: представление исправляющего должность генерал-губернатора Восточной Сибири от 15 ноября и отношение министра финансов от 26 ноября о разрешении производства беспошлинной торговли

иностранными товарами в портах Восточного океана: Дуэ, Косунае, Декастри, Владивостоке и гаванях Св. Ольги и Новгородской.

Комитет положил: представление это утвердить.

Государь император на журнале Комитета, в 25 день сего декабря, высочайше соизволил написать собственноручно: «Исполнить».

Отношение Справляющего должность генерал-губернатора Восточной Сибири члену Сибирского комитета, управляющему делами оного от 15 ноября 1862 г. В январе месяце настоящего года губернатор Приморской области просил ходатайства моего о разрешении беспошлинной иностранной торговли в некоторых из портов наших Восточного океана.

Объехав летом нынешнего года всю Восточную границу нашу, я лично убедился в необходимости этого, как для развития края, так и потому, что с размещением военных команд в южных гаванях и с возрастающим там заселением, естественно рождается потребность в разного рода продуктах, привозимых иностранными купцами.

А потому, на основании высочайше утвержденного в 22 день декабря 1860 года положения Сибирского комитета, я покорнейше прошу ваше превосходительство не отказать в исходатайствовании высочайшего разрешения на беспошлинную иностранную торговлю в портах наших: Дуэ, Косунае, Декастри, гавани Св. Ольги и Новгородской гавани.

Отношение управляющего министерством финансов к члену Сибирского комитета, управляющему делами онаго от 26 ноября 1862 г. - Возвращая присланное Вашим Превосходительством 16 сего ноября отношение исправляющего должность генерал-губернатора Восточной Сибири, имею честь уведомить, что, согласно с высочайше утвержденным 22 декабря 1860 г. положением Сибирского комитета, я со своей стороны не встречаю препятствия к допущению беспошлинной иностранной торговли в портах Восточного океана: Дуэ, Косунае, Декастри, Владивостоке и в гаванях Св. Ольги и Новгородской.

*Порто-франко на Дальнем Востоке: Сборник документов и материалов.
Владивосток, 1998. С. 24-25.*

**ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ МНЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА ОБ ОБЛОЖЕНИИ
ТАМОЖЕННОЙ ПОШЛИНОЙ ИНОСТРАННЫХ ТОВАРОВ,
ПРИВОЗИМЫХ В ПРИАМУРСКИЙ КРАЙ.
10 ИЮНЯ 1900 Г.**

Государственный совет, в соединенных департаментах промышленности, наук и торговли и государственной экономии и в Общем собрании, рассмотрев представление министра финансов об обложении таможенной пошлиной иностранных товаров, привозимых в Приамурский край, мнением положил:

В изменение и дополнение подлежащих узаконений постановить:

1) Обложению таможенными пошлинами подлежат привозимые в

Приамурское генерал-губернаторство как через порты, лежащие при устье Амура и к югу от него, так и по сухопутной границе, иностранные товары, поименованные в следующих статьях Общего таможенного тарифа по европейской торговле: 3; 4; 7; 9; 10; 11 (кроме китайских земляных орехов, пропускаемых беспошлинно); 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 35; 37; 38; 42; 43; 45; 46; 47; 48; 49; 50; пунктах 2,4, и 5 статьи 51; 52; 53; 54; 55; (кроме приводных ремней, сшитых и не сшитых, пропускаемых беспошлинно); 56; 57; пунктах 1,2 и 3 статьи 58; 59 60; 63; пункте 3 и примеч. к статье 64; 65; 67; 68; 69; пункте 5 статьи 71; 75; 76; пунктах 2, 3, 4 и 5 статьи 77; 78; 80; 81; (кроме карболовой кислоты, пропускаемой беспошлинно); 82; 84; 85; 86; 87; 88; пункте 2 статьи 103; 106; пунктах 3, 4, 5 и 6 статьи 108; 110; 111; 113; 115; 116; пунктах 1 (кроме бобового и кунжутного масла, пропускаемых беспошлинно), 2, 3 и 4 статьи 117; 118; 119; 120; 121; 122; 123; 126; 127; 128; 129; 130; 133; 134; 135; 136; 137; 138; 145; 148; 149; пункте 2 статьи 155; пункте 2 статьи 156 (кроме металлических сит из медной проволоки, пропускаемых беспошлинно); 158; 159; 162; 163; 164; 165; 166; пункте 1 статьи 167 (кроме динамоэлектрических машин, пропускаемых беспошлинно) и лит[ера] «А» примеч. 1 к этой статье; 169; 170; 171; пунктах 1 и 2 статьи 173; пункте 2 статьи 177; 179; 180; 181; 182; 183; 184; 185; 186; 187; 188; 189; 190; 191; 192; 193; 194 (кроме пеньковых рукавов для пожарных труб и бумажных и пеньковых приводных ремней, пропускаемых беспошлинно); 195; 196; 197; 198; 199; 200; 201; 202; 203; 204; 205; 206; 207; 208; 209; 210; 211; 212; 213; 214; 215; и 216.

Примечание. Привозимые в Приамурское генерал-губернаторство чаи облагаются таможенными пошлинами в размере и на основаниях, указанных в вышечайше утвержденном 4 июня 1899 г. мнении Государственного совета.

Порто-франко на Дальнем Востоке: сборник документов и материалов. Владивосток, 1998. С. 115-116.

№ 5

ПРОЕКТ УЧРЕЖДЕНИЯ ВОЛЬНОЙ ГАВАНИ ВЛАДИВОСТОКА. 1902 Г.1

ОБЩИЕ ОСНОВАНИЯ

1. Вольная гавань в районе Владивостокского коммерческого порта учреждается: 1) для *беспошлинного* склада и хранения (с разбивкой, сортировкой и перекупоркой мест) всякого рода иностранных товаров, привозимых к Владивостокскому порту: а) *специально-транзитных*, направляемых через Владивосток из местностей заграничных или же внутренних, но лежащих вне черты таможенного обложения Приамурского края, безразлично как в районы заграничные, так и внутренние, но изъятые из пошлинного обложения; б) складочных, получаемых во Владивостоке в виде запасов на случай сбыта на внутренних или заграничных рынках; и 2) для склада русских товаров, вывозимых за границу, с возвратом акциза или пошлины за употребленный на выделку их материал.

2. Вольная гавань образует собой совместную водно-береговую территорию, изолированную таможенной охраной от свободного сообщения с остальной частью Владивостокского порта, как со стороны моря, так и с берега. Внутри отведенных ей пределов вольная гавань изъята из действия общих таможенных правил. Суда и товары, по входе в пределы вольной гавани, признаются, как находящиеся вне таможенной границы, не водворенными во Владивостоке, почему все потребные для них операции по выгрузке, нагрузке, перегрузке, хранению, с разбивкой, сортировкой и перекупоркой мест, и передвижению в район Вольной гавани совершаются свободно, не подчиняясь действию общих таможенных правил.

3. В отношении административно-полицейском Вольная гавань всецело находится в ведении общего управления Владивостокского коммерческого порта.

В хозяйственном же отношении и в установлении внутренних распорядков Вольная гавань управляется особым комитетом, состоящим из представителей ведомства, учреждения или предприятия, коему разрешено устройство и эксплуатация Вольной гавани, при обязательном участии капитана Владивостокского коммерческого порта, старшего биржевого маклера и представителей Владивостокского биржевого общества. Хозяйственный комитет вырабатывает для указанной цели особые Правила, которые, по утверждению их Владивостокским портовым комитетом, признаются обязательными.

4. Внешняя охрана Вольной гавани в таможенном отношении по ее наружным границам принадлежит всецело таможенному ведомству, на общих основаниях, установленных российскими таможенными законами, правилами и обычаями.

5. Судно, входящее во Владивостокский порт, обязано немедленно же заявлять таможенным чинам в пункте, где оно получает разрешение на практику, намеревается ли оно идти в общую часть коммерческого порта, или же направляется прямо в Вольную гавань. В последнем случае таможенные чины, отобрав судовые и вторые экземпляры грузовых документов, сопровождают судно до места назначения. По входе в Вольную гавань таможенный надзор за судном прекращается, и таковое поступает в ведение администрации Вольной гавани. Но если по каким-либо причинам пришедшее с моря судно не может указанным порядком немедленно войти в Вольную гавань, то до фактического впуска в последнюю оно остается под наблюдением таможенного надзора на общих основаниях.

6. Шкипер судна, желающего выйти из Вольной гавани, подает о том заблаговременно письменное уведомление управлению Владивостокской таможни. Явившиеся по сему извещению таможенные чины отбирают от шкипера вторые экземпляры грузовых документов на вывозимые товары и сопровождают судно при выходе его из Вольной гавани в общую часть коммерческого порта. Если выходящее указанным порядком судно заявило намерение производить какие-либо дальнейшие грузовые или судовые операции в общей части коммерческого порта, то таковое судно рассматривается как прибывшее во Владивостокский порт непосредственно с моря и во всех отношениях подчиняется действию общих таможенных постановлений, т.е. допускается к производству грузовых и судовых операций лишь на общих основаниях для всех прибывающих с моря судов. Если же по письменному заявлению шкипера судно, выходящее из Вольной гавани, идет прямо в море, то сопровождающие его таможенные чины ограничиваются в пределах общей части коммерческого порта лишь пресечением судну возможности незаконной выгрузки оставшегося в его трюмах груза и вручают шкиперу отобранные у него судовые документы. Судно, вышедшее с каким-либо грузом из Вольной га-

вани, но не заявившее намерения производить грузовые операции в общей части коммерческого порта, в случае надобности остановиться в последней на якоре, может сделать это лишь под надзором таможи и с опломбированием, в нужных случаях, грузовых помещений. Такое судно подчиняется всем таможенным и портовым правилам, относящимся до судов, приходящих в порту грузовых операций, при чем тому же порядку подчиняются судовая провизия и корабельные запасы.

7. Судно, вошедшее в Вольную гавань, может немедленно же приступить к разгрузке или нагрузке.

Взрывчатые вещества в Вольную гавань не допускаются; суда с такими грузами подчиняются действию общих правил Владивостокского порта.

В случае появления на судне, стоящем в Вольной гавани, чумы, азиатской холеры и желтой лихорадки такое судно из Вольной гавани выводится в карантин, на общих основаниях.

8. За нарушение судами установленных правил по выходу из Вольной гавани в общую часть коммерческого порта устанавливается та же самая ответственность, какая предусмотрена законами Российской империи за прибытие из заграницы к неуказанным пунктам российской территории без ведома таможи; за допущение же при этом каких-либо грузовых операций, без получения на то законного разрешения таможи, виновные отвечают по законам о нарушении таможенной черты и контрабанде.

Примечание 1. Судно, прибывшее непосредственно из Вольной гавани Владивостока в какой-либо другой пункт или порт Российской территории, признается в таможенном отношении, прибывшим непосредственно из заграницы.

Примечание 2. Предшествующее, однако же, не должно быть понимаемо в смысле предоставления иностранным судам права совершать каботажные перевозки грузов между Вольною гаванью Владивостока и другими российскими портами. Такой каботаж должен регулироваться существующими специальными постановлениями.

9. Срок нахождения выгруженных в Вольной гавани товаров устанавливается внутренними распоряжениями ее хозяйственного комитета. Товары эти хранятся за счет и страх грузовладельцев.

10. Торговая статистика грузов Вольной гавани ведется таможенным управлением.

11. Выпуск товаров из Вольной гавани для водворения их на внутреннем рынке допускается толь через ее сухопутную территорию. О грузах, подлежащих такому выпуску, подается объявление в таможенное управление, в установленном общем порядке, и затем грузы эти досматриваются, очищаются пошлиной и выпускаются с соблюдением всех таможенных обрядностей.

12. Транзитные грузы могут вывозиться из Вольной гавани берегом и водой. Сухопутный вывоз таких товаров допускается только по железной дороге и при том лишь на основании существующих правил о транзитной перевозке неоплаченных пошлиной грузов по железным дорогам. Вывоз товаров из Вольной гавани водой чрез общую часть коммерческого порта разрешается лишь порядком, указанным в 6-ой ст. настоящего Положения и при том с изъятиями и ограничениями, указанными в 13-ой ст. сего же Положения.

13. Вольная гавань остается закрытой с захода солнца до его восхода. Рабочие в этот промежуток времени не впускаются и не выпускаются, а пакгаузы запираются. Работы в Вольной гавани на воде производятся только специально приписанными к Вольной гавани баржами и шлюпками; посторонние плавучие средства, без специального разрешения таможи, в Вольную гавань вообще не допускаются; равным же образом никаким баржам, катерам и шлюпкам выходить из Вольной гавани без специального пропуска таможенного управления не разрешается. Выпуск товаров из Вольной гавани производится только в установленное таможенным уставом время.

Примечание: Ночная нагрузка и разгрузка на судах могут производиться не иначе, как каждый раз с предварительным письменным объявлением об этом таможене.

*Из истории таможенной службы России на Дальнем Востоке.
Документы и материалы (1899-1925 гг.). Владивосток, 1999. С. 38-42.*

№ 6

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШИЙ УКАЗ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ БЕСПОШЛИННОГО ВВОЗА ТОВАРОВ В ПРИАМУРСКОЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО.

1 МАЯ 1904 Г.

В непрестанных заботах о преуспевании Приамурского края достигнутого к тому же ныне суровыми условиями военного времени, признав за благо облегчить доступ иностранных товаров в названный край, Мы повелеваем:

1. Допускать иностранные товары в Приамурское генерал-губернаторство как через порты, лежащие при устье Амура и к югу от него, так и по сухопутной границе с Маньчжурией, беспошлинно, не освобождая, однако, от акциза товары, которые им в империи обложены.

2. За вывозимые в Приамурское генерал-губернаторство хлопчатобумажные изделия русского происхождения производить возврат пошлин на условиях, определенных высочайше утвержденным 20 декабря 1894 г. мнением Государственного совета и п. IV именного указа нашего, министру финансов от 21 июля 1900 г. данного.

3. Постановления, изложенные в пп. 1 и 2, ввести в действие со дня обнародования сего указа нашего в Собрании узаконений и распоряжений правительства, с предоставлением министру финансов сообщить о сем по телеграфу, для немедленного исполнения, подлежащим таможенным учреждениям.

*Вестник финансов, торговли и промышленности. Указатель
правительственных распоряжений по Министерству финансов. 1904. Т. IV.
СПб., 1904. С. 301-302.*

№ 7

**ЗАКОН О ЗАКРЫТИИ ПОРТО-ФРАНКО ПО ПРИВОЗУ
ИНОСТРАННЫХ ТОВАРОВ В ПРИАМУРСКОЕ ГЕНЕРАЛ-
ГУБЕРНАТОРСТВО И ЗАБАЙКАЛЬСКУЮ ОБЛАСТЬ
ИРКУТСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА, ОБ ОТМЕНЕ
СТАТЬИ 939 УСТАВА ТАМОЖЕННОГО И О НЕКОТОРЫХ
ИЗМЕНЕНИЯХ В ТАРИФНЫХ СТАВКАХ, УСТАНОВЛЕННЫХ
ЗАКОНОМ 10 ИЮНЯ 1900 Г.
16 ЯНВАРЯ 1909 Г.
(ИЗВЛЕЧЕНИЕ)**

I. В изменение и дополнение подлежащих узаконений постановить:

1. Обложить таможенными пошлинами привозимые в Приамурское генерал-губернаторство, как через порты, лежащие при устье Амура и к югу от него, так и по сухопутной границе, а равно в Забайкальскую область Иркутского генерал-губернаторства иностранные товары, поименованные в следующих статьях действующего общего таможенного тарифа по европейской торговле: 3, 4, 7, 9, 10, 11 (кроме китайских земляных орехов, пропускаемых беспошлинно), 12, 13, пункт 2 статьи 14, 15 (кроме указанных в п.3 пряностей – хотя бы в измельченном или порошкообразном виде, пропускаемых беспошлинно), 16, 17, 18, 19, 21, 22, 23, 24 (кроме уза-

коненного в п.3 молока сгущенного, пропускаемого беспошлинно), 25, 26, 27, 28, 29, 31, 32, 35, 37, 38, 42, 43, 45, 46, 47, 48, 49, 50, пунктах 2,4 п. 5 статьи 51, 52 (кроме парафина, пропускаемого беспошлинно), 53, 54, 55, 56, 57 (кроме приводных ремней, сшитых и не сшитых), пропускаемых беспошлинно), пунктах 1, 2 и 3 статьи 58, 59, 60, 63, пункте 3 и примечании к статье 64, из пункта 4 статьи 65 цементы всяких наименований (портландский искусственный или естественный, романский, смешанный, шлаковый и всякие иные), 67, 68, 69, пунктах 6 и 7 статьи 71, 75, 76, пунктах 1,2, 3, 4, 5 и 7 статьи 77, 78, 89, 81 (кроме карболовой кислоты, пропускаемой беспошлинно), 84, 85, 86, 87, 88, пункте 2 статьи 103, 106, пунктах 3, 4, 5, 6, 7 и 8 статьи 108 (без применения примечания 1 к сей статье), 110, 113, 115, 116, пунктах 1, 2 и 3 статьи 117 (кроме бобового и кунжутного масел, пропускаемых беспошлинно), 118, 119, 120, 121, 122, 123, 126, 127, 128, 129, 130, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 145, 148, 149, пункте 2 статьи 155, пункте 2 статьи 156 (кроме металлических сит из медной проволоки, пропускаемых беспошлинно), 158 (кроме ножниц для стрижки овец, пропускаемых беспошлинно), 159, пунктах 1 и 2 статьи 162, 163, 164, 165, 166, 169, 170, 171, 172, 173, 174 (кроме вагонеток всех типов для узкоколейных железных дорог, пропускаемых беспошлинно), 177, 179, 180 (по Прод. 1908 г.) 181, 182, 183, 184, 185 (по Прод. 1908 г.), 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194 (кроме пеньковых рукавов для пожарных труб и бумажных и пеньковых приводных ремней, пропускаемых беспошлинно), 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, примечаниях, общих к статьям 183-209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216

Примечание 1. Привозимые в Приамурское генерал-губернаторство и Забайкальскую область Иркутского генерал-губернаторства чай (кроме кирпичных, пропускаемых беспошлинно) облагаются таможенными пошлинами в размерах и на основаниях, указанных в пункте 2 (по прод. 1909 г.) статьи 20 и в пункте 2 примечания к сей статье общего таможенного тарифа по европейской торговле (Свод зак., т. VI, таможенные тарифы, изд. 1906 г.).

Примечание 2. Товары, поименованные в статье 54, в пункте 3 статьи 56, в пункте 1 статьи 181 общего таможенного тарифа по европейской торговле, а равно шкуры невыделанные, некрашеные беличьи (п.2 ст.56), и сурковые или тарбаганьи (лит. Б., п. 5. Ст. 56) согласно отделу II настоящего закона, допускаются к беспошлинному ввозу по сухопутной границе с Китаем.

2. Взимать таможенные пошлины с указанных в статье 1 товаров, при ввозе их в Приамурское генерал-губернаторство и Забайкальскую область Иркутского генерал-губернаторства, в размере, установленном общим таможенным тарифом, действующим по европейской торговле, с конвенционными в означенном тарифе изменениями.

3. Обложить привозимый в указанные в статье 1 местности иностранный рис обделанный (п. 1 ст. 2 общего таможенного тарифа по европейской торговле) таможенной пошлиной в размере 45 коп. с пуда.

4. Распространить действие постановлений Устава таможенного и общего таможенного тарифа по европейской торговле о товарах, запрещенных к привозу, за исключением постановлений о запрещении ввоза иностранной серебряной монеты (прим. к ст. 219 тарифа) и приготовлений из свиного мяса (ст. 234 тарифа), на все границы Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области Иркутского генерал-губернаторства. Отнести к числу запрещенных к привозу в названный край товаров и тряпье всякое (п. 1 ст. 176 тарифа).

5. Пропускать приготовления из свиного мяса по всем границам Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области Иркутского генерал-губернаторства по подлежащим статьям общего таможенного тарифа по европейской торговле на основании правил, устанавливаемых министром внутренних дел по соглашению с министрами финансов и торговли и промышленности, кроме свиных консервов и других приготовлений из свиного мяса в герметической укупорке, воспрещенных к привозу.

6. Разрешить отпускные товары к беспошлинному вывозу из Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области Иркутского генерал-губернаторства.

7. Разрешить вывоз иностранных товаров, оплаченных причитающихся с них пошлиною, из Владивостока и Николаевска-на-Амуре в порты Охотского и Берингова морей, а также на остров Сахалин, с возвратом таможенной пошлины. Предоставить министру финансов определить порядок возврата этой пошлины.

8. Пропускать указанные в статье 1 иностранные товары, оплаченные таможенной пошлиной при ввозе их в Приамурское генерал-губернаторство и Забайкальскую область Иркутского генерал-губернаторства, через Иркутскую таможенную беспошлинно, за исключением риса обделанного, с которого, в случае привоза его в названную таможенную, взимать дополнительную пошлину в размере 60 коп. с пуда.

9. Изъять из действия статей 692 и 693 Устава таможенного (изд. 1904 г. и по продолжению 1906 г.) хлопчатобумажные и шерстяные изделия, привозимые в Приамурское генерал-губернаторство и Забайкальскую область Иркутского генерал-губернаторства.

10. Применять к иностранным товарам, привозимым в указанные в статье 1 местности из портов, лежащих к северу от Николаевска-на-Амуре, и с острова Сахалина в порты Приморской области, лежащие при устье Амура и к югу от него, изложенные в статьях 1-5 сего отдела постановления.

11. Отменить статью 939 Устава таможенного (изд. 1904 г.), допустив по сухопутной границе с Китаем к беспошлинному ввозу товары, поименованные в пункте 1 статьи 51, 54, в пункте 3 ст. 56 и в пункте 1 статьи 181 общего таможенного тарифа по европейской торговле, а равно шкуры невыделанные, некрашенные беличьи (п.2 ст. 56) и сурковые или тарбаганы (лит. б п. 5. ст. 56) и сохранив в силе запрещение к привозу из Китая по сухопутной границе китайских хлебного вина и водки

III. Отменить статьи 937, 940 и примечание к статье 942 Уст. тамож. (изд. 1904 г. и по прод. 1906).

IV. Изложить статью 943 Уст. тамож. (изд. 1904 г. и по прод. 1906 г.) следующим образом: всякие русские и иностранные товары, вывозимые в Китай, пропускаются беспошлинно, причем товары, вывозимые в Китай, не подлежат никаким таможенным формальностям. [...]

V. Предоставить Совету Министров определить сроки введения в действие вышеуказанных мер.

Порто-франко на Дальнем Востоке: сборник документов и материалов. Владивосток, 1998. С. 249-255.

ВАЖНЕЙШИЕ ДАТЫ ИЗ ИСТОРИИ ПОРТО-ФРАНКО НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

6 августа 1828 г. - введение порто-франко на Камчатке.

1 ноября 1856 г. - разрешен беспошлинный ввоз иностранных товаров в Николаевск.

22 декабря 1860 г. - распространение на все порты Приморской области Восточной Сибири права свободной торговли иностранными товарами.

25 декабря 1862 г. – открытие для беспошлинной торговли портов Дуэ, Косунай, Де-Кастри, Владивосток, гавани Св. Ольги, Новгородская

22 декабря 1869 г. - разрешение беспошлинного ввоза всех вообще иностранных товаров через Аянский и другие порты Охотского моря в Якутскую область.

10 июня 1900 г. - Закон об обложении таможенной пошлиной иностранных товаров, привозимых в Приамурский край. Отмена порто-франко в Приамурском крае.

1 января 1901 г. - вступление в силу закона от 10 июня 1900 г.

23 мая 1901 г. - учреждение во Владивостоке и Николаевске-на-Амуре первых морских таможен на Тихом океане.

1 мая 1904 г. – именной высочайший указ «Об установлении беспошлинного ввоза товаров в Приамурское генерал-губернаторство» в условиях русско-японской войны

1 декабря 1908 г. - принятие Государственной Думой закона об отмене порто-франко

16 января 1909 г. - высочайшее утверждение закона об отмене порто-франко

1 марта 1909 г. - вступление в действие закона от 16 января 1909 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
ПРИАМУРСКОЕ ПОРТО-ФРАНКО КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН	
<i>Н.А. Беляева</i>	7
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ОПЫТ ПОРТО-ФРАНКО В ДОКУМЕНТАХ РГИА ДВ	
<i>Н.А. Троицкая</i>	12
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, РЕГИОНАЛИЗМ И ШАБЛОНЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ	
<i>С.К. Песцов</i>	17
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОРСКИХ ПОРТОВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ	
<i>А.А. Караиванов</i>	25
ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЕНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ ОСОБЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОНАХ	
<i>Н.Г. Щербина, Е.М. Щербина</i>	29
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МОЛОДЁЖНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В АЗИИ	
<i>А.А. Фисенко</i>	36
ДЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ КАК СРЕДСТВО ОСВОЕНИЯ И ПРИНЯТИЯ РЕАЛЬНОСТИ ПРОШЛОГО	
<i>Д.А. Литошенко</i>	40
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЕ ПРОШЛОГО РУССКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО РАССЕЛЕНИЯ В ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В	
<i>Я.А. Барбенко</i>	45
СЕНАТСКИЙ УКАЗ О РАЗРЕШЕНИИ НА КАМЧАТКЕ ЗАГРАНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ 27 АВГУСТА 1828 Г.	58
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СИБИРСКОГО КОМИТЕТА О РАСПРОСТРАНЕНИИ НА ВСЕ ВОООЩЕ ПОРТЫ ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ДАРОВАННОГО ПРИАМУРСКОМУ КРАЮ ПРАВА СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ ИНОСТРАННЫМИ ТОВАРАМИ 22 ДЕКАБРЯ 1860 Г. (ИЗВЛЕЧЕНИЕ).....	59
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СИБИРСКОГО КОМИТЕТА «О РАЗРЕШЕНИИ ПРОИЗВОДСТВА БЕСПОШЛИННОЙ ТОРГОВЛИ ИНОСТРАННЫМИ ТОВАРАМИ В ПОРТАХ ВОСТОЧНОГО ОКЕАНА: ДУЭ, КОСУНАЕ, ДЕ-КАСТРИ, ВЛАДИВОСТОКЕ И ГАВАНЯХ СВ. ОЛЬГИ И НОВГОРОДСКОЙ» 25 ДЕКАБРЯ 1862 Г.	60
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ МНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА ОБ ОБЛОЖЕНИИ ТАМОЖЕННОЙ ПОШЛИНОЙ ИНОСТРАННЫХ ТОВАРОВ, ПРИВОЗИМЫХ В ПРИАМУРСКИЙ КРАЙ. 10 ИЮНЯ 1900 Г.	62
ПРОЕКТ УЧРЕЖДЕНИЯ ВОЛЬНОЙ ГАВАНИ ВЛАДИВОСТОКА 1902 Г.	63
ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШИЙ УКАЗ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ БЕСПОШЛИННОГО ВВОЗА ТОВАРОВ В ПРИАМУРСКОЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО. 1 МАЯ 1904 Г.	66
ЗАКОН О ЗАКРЫТИИ ПОРТО-ФРАНКО ПО ПРИВОЗУ ИНОСТРАННЫХ ТОВАРОВ В ПРИАМУРСКОЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО И ЗАБАЙКАЛЬСКУЮ ОБЛАСТЬ ИРКУТСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА, ОБ ОТМЕНЕ СТАТЬИ 939 УСТАВА ТАМОЖЕННОГО И О НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В ТАРИФНЫХ СТАВКАХ, УСТАНОВЛЕННЫХ ЗАКОНОМ 10 ИЮНЯ 1900 Г. 16 ЯНВАРЯ 1909 Г. (ИЗВЛЕЧЕНИЕ).....	67
ВАЖНЕЙШИЕ ДАТЫ ИЗ ИСТОРИИ ПОРТО-ФРАНКО НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ	70

¹ Работа над проектом была завершена 30 декабря 1902 г.

**Тихоокеанская Россия:
опыт прошлого – взгляд в будущее**

**Сборник материалов международной научно-
практической конференции, посвященной 100-летию
отмены порто-франко на Дальнем Востоке
(2-4 марта 2009 г.)**

Общая редакция:
Н.А. Беляева и Д.А. Литошенко

Уч.-изд. л. 4,5
Тираж 150 экз.

Формат 60 x 84/16
Заказ №

Отпечатано в типографии ИПК МГУ им. адм. Г.И. Невельского
Владивосток 59, ул. Верхнепортовая, 50а